

ФЭННИ
ФЛЭГГ
СТОЯ ПОД
РАДУГОЙ

Фэнни Флэгг

Стоя под радугой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8685881

Фэнни Флэгг Стоя под радугой. Роман: Фантом Пресс; Москва; 2014

ISBN 978-5-86471-682-3

Аннотация

Фэнни Флэгг верна себе – чуточку старомодна, чертовски обаятельна и задушевно иронична. «Под радугой» – роман, в котором собрались многие из героев и персонажей остальных книг писательницы. В провинциально-уютном городке Элмвуд-Спрингс все друг друга знают, но о жизни его обитателей знают и за сотни километров, и все благодаря Соседке Дороти – женщине с улыбающимся голосом, которая заведует городским радио и на всю страну рассказывает о том, как живет-поживает Элмвуд-Спрингс, где каждый горожанин особенный, со своими причудами и фанабериями. Вот, например, Слепая Пташка Певчая – девушка с божественным голосом и отвагой, которой любой зрячий позавидует. Или Бобби – мальчик, который ежедневно проживает в своих фантазиях сотни жизней, что не мешает ему и в реальности выкаблучивать такое, от чего весь городок немеет. Еще есть Сесил, король похоронного бизнеса; и застенчивая Бетти Рэй, которой суждено стать губернатором штата; и бесшабашная тетушка Элмер; и ее

правильная племянница Норма; и многие-многие другие. В этой книге настоящая карусель из характеров и судеб, из смеха и слез, из невероятного и обыденного. Но прежде всего, это роман о времени и о том, что мир прекрасен в любую эпоху, – надо лишь уметь видеть красоту и счастье за шелухой будней. И Фэнни Флэгг умеет об этом рассказать лучше всех на свете.

Содержание

К читателю	7
Начало	10
Элмвуд-Спрингс	11
Соседка Дороти	22
Водонапорная башня	27
Потрепанная Энн	33
Док Смит	38
Обыкновенный день	45
Гуднайты	55
Пташка Певчая	62
Тайна	66
Анна Ли	73
Высшее общество	84
Победитель	89
Мальчик, который кричал «Волки!»	94
Мама Смит – закоренелая преступница	99
Отманы едут	107
Пикники с песнопениями	111
Снова дома	115
Гостья по принуждению	122
Неудивительно	128
Религиозные бдения	132
Вечеринка	140

Прощай	144
Чего они не знали	148
Созерцание звезд	150
Время летит	157
Жизнь меняется	162
Конец ознакомительного фрагмента.	168

ФЭННИ ФЛЭГГ

Стоя под радугой

Посвящается Юдоре Уэлти и Вилли Моррису

STANDING IN THE RAINBOW by Fannie Flagg
Copyright © 2002 by Fannie Flagg

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии William Morris Endeavor Entertainment и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Дина Крупская, перевод, 2014

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2014

К читателю

Как героиня этой книги заверяю вас, что все описанные здесь события произошли на самом деле, не сомневайтесь. И хотя персонаж я не главный, скажу вот что: я хозяйка собственного дома, содержу его в чистоте и порядке и исправно плачу по счетам. Я никогда не сидела в тюрьме и, вероятней всего, старше вас, если, конечно, вы еще не стоите одной ногой в могиле, а если стоите, то уж поймете меня наверняка.

Я, конечно, не литературный критик, но люблю книги с началом, середкой и концом, и чтоб еще сюжет какой-никакой имелся, и чтоб местами посмеяться. Не выношу книжек, в которых не поспеваешь за событиями. Могу обещать, что здесь вам не станут втирать докучливую историю в деталях про бедолагу, угодившего в отчаянное положение, но чудесным образом спасшегося, – и опля! – вот он счастлив на веки вечные. По данным на сегодняшнее утро, мозги у меня вроде на месте, чего не скажешь про мозги моей соседки миссис Уотли, воображающей, будто ее внук Тревис до сих пор работает в отделе покрышек в «Сирз», а вовсе не там, откуда в ближайише пять лет выйдет разве что по амнистии за хорошее поведение. Хотя я не из тех, кто разносит слухи, ни-ни. Что вы, при моей профессии это непозволительно. Верьте или нет, но я еще зарабатываю на хлеб

насуищный, не пойми зачем, ведь при том количестве налогов, что я платила за свой бизнес, я могла бы сейчас сидеть дома и жить припеваючи на пенсию, но не постриги я кого-нибудь несколько дней, мне пальцы скрючит. К тому же надо следить, как бы родная дочь опять не сожгла кому-нибудь шевелюру (а то ведь пара волосин упадет – и они уж готовы в суд бежать) да чтоб парикмахерскую снова не подпалила. Ну и деньги не помешают. Я ведь так и не расплатилась за свою машину, ту, что расколотил Дуэйн Младший, причем дважды за полгода.

На детей я не рассчитываю, впрочем, это другая история. Энергии во мне прорва, но я не жизнерадостная оптимистка. Нет ничего хуже жизнерадостных стариков. Это неестественно. Угодив в книгу, пусть и не главной героиней, поневоле остановишься и задумаешься. Так что прежде чем отступить в сторонку и дать вам погрузиться в чтение, поделюсь мыслью: жизнь человека зависит от кучи всяких «если», правда? Возьмите, к примеру, мою персону... Что, если бы я померла, рожая Дуэйна Младшего (кстати, может, было бы и к лучшему, учитывая недавние события)? Меня бы тут не было. Но для романа, за который вы вот-вот приметесь, важнее другое: что, если бы Дороти Смит не познакомилась с семейством Отман, исполнителями духовных песнопений? Что, если бы Бетти Рэй Отман не встретила Хэмма Спаркса? А Хэмм Спаркс не оказался бы причастен к махинациям?

Ой, лучше помолчу, ненавижу, когда мне пересказывают сюжет. И один мудрый совет: не берите с меня пример и не лезьте в конец книги. Слишком часто я подобным образом лишила себя удовольствия. Как я уже говорила, в этой книге со мной вы будете редко встречаться, но когда дочитаете – бьюсь об заклад, вас поразит, как здорово я все уладила.

*Искренне ваша,
миссис Тот Хутен*

P. S. Никогда не берите в мужья пьющего человека.

Начало

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Южный Миссури

ВРЕМЯ: 1940-е

НАСТРОЕНИЕ: полное надежд

Элмвуд-Спрингс

Почти все, у кого имелась лишняя комната, держали постояльцев. В те времена в городе еще не понастроили отелей да мотелей. Спустя несколько лет откроется «Говард Джонсон», но до тех пор и холостякам, которым требовался уход, и одиноким дамам нужно было где-то жить. И многие почитали своим христианским долгом приютить их, даже если несколько лишних долларов в неделю погоды не делали, а жильцы порой застревали на годы. Мистер Пруэт, холостяк из Кентукки с длинными, тощими ногами, много лет проживал у Хейгудов, – они и забыли, что он им не родня. Переезжал вместе с ними с места на место. Когда же в возрасте семидесяти восьми преставился, на семейной могиле Хейгудов появился камень с надписью:

МИСТЕР ПРУЭТ
ВСЕГДА С НАМИ
УПЛАЧЕНО СПОЛНА

Первая Северная авеню расположена недалеко от центра города и школы – пешком можно дойти; там-то в основном и сдавались комнаты.

Сейчас у Смитов живет Джимми Хед, повар из кафе «Трамвай»; у Робинсонов по соседству – Беатрис Вудс по прозвищу Слепая Пташка Певчая; дальше по улице семейство Уотли – они пустили мисс Татл, учительницу англий-

ского языка в старших классах. Эрнест Кунитц, руководитель школьного оркестра и солист-трубач, квартирует у мисс Альмы, по счастью, туговатой на ухо. Но очень скоро Смиты возьмут еще одного постояльца. И это станет первым звеном в цепи событий, о которых пойдет здесь речь.

Разумеется, пока они пребывают о том в неведении, особенно их десятилетний сын Бобби. Он и его закадычный дружок Монро Ньюберри в эту минуту торчат перед парикмахерской и глазуют на электрический шест, выкрашенный по спирали в красный и белый¹. Суть игры – дотарашиться до того, что глаза съедутся к переносице, это считается великим достижением. Уж такие в наших краях бытуют развлечения. Или вот еще – не дышать, пока не потеряешь сознание. А еще сигануть с тарзанки в леденющий пруд, прозванный Синим Дьяволом, – вода такая холодная, что когда плюхаешься туда даже в самую жару, то сердце буквально останавливается. И пока карабкаешься на берег, тело уже все онемелое, ног не чувствуешь, а губы синие-синие – отсюда и название пруда. Но мальчишки – народ сумасшедший, вылезут из воды и, даже не согревшись, все в мурашках, снова несутся прыгать.

Некоторые вещи волновали Бобби до самого нутра. Впрочем, жизнь вообще приводила его в восторг. Да в те времена любой провинциальный мальчишка мечтал о свершении-

¹ Красно-белый шест у парикмахерских – символ профессии, пришел из тех времен, когда цирюльники не только стригли-брили, но еще и пускали кровь. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ях, выпрыгивая по утрам из постели как пробка из бутылки шампанского. Ведь Бобби жил ровно посередке великой мировой державы – поговаривали даже, что величайшей. Мы в честном бою победили Германию и Японию. Мы спасли от гибели Европу, и в том году нас любили все, даже французы. Наши девушки были самыми красивыми в мире, наши мальчишки – самыми симпатичными, наши солдаты – самыми храбрыми, а с нашим флагом ни один не мог сравниться по красоте. В те годы казалось, что все жители Земли мечтают стать американцами. И их можно было понять. У нас – Джон Уэйн, Бетти Грэйбл, Микки Маус, Рой Роджерс, Супермен, Дэгвуд и Блонди, Сестры Эндрюс и Капитан Марвел, Бак Роджерс и Ред Райдер, пневматические ружья, «Мальчишки Харди», Жи-мен, агенты ФБР, Мисс Америка, сладкая вата. Да при том, что *любой* человек может стать президентом Соединенных Штатов по достижении совершеннолетия.

Бобби даже сочувствовал всем, кому не повезло здесь родиться. Еще бы, ведь мы изобрели все самое важное в мире. Хот-доги, гамбургеры, американские горки, роликовые коньки, мороженое в стаканчиках, электричество, молочные коктейли, танец джиттербаг, бейсбол, футбол, баскетбол, барбекю, пистолет с пистонами и банановый сплит. А еще кока-колу, орешки в шоколаде, музыкальные автоматы, стиральный порошок «Оксидол», маргарин и атомную бомбу!

Мы были больше, лучше, богаче и сильнее всех в мире и

тем не менее играли по правилам и были хорошими людьми. Даже протянули руку и помогли подняться из руин побежденным – Японии и Германии. Разве плохие люди на такое способны? Миссури – родной штат Бобби – дал миру Марка Твена, Уолта Диснея, Джинджер Роджерс, и Всемирную торгово-промышленную выставку в Сент-Луисе, и линкор «Миссури», на борту которого японцы подписали акт о капитуляции, сдавшись генералу Дугласу Макартуру. Да что там японцы, отряд бойскаутов-волчат Бобби под названием «Патруль куропатки» бегал по всему городу, собирая старые автомобильные покрышки, макулатуру, алюминиевые кастрюли и сковородки. Потому-то мы и выиграли войну. И хотя любому мальчишке и без того достаточно причин для гордости, можно добавить, что президент Соединенных Штатов, мистер Гарри С. Трумэн, – урожденный и убежденный миссурианец, а Сент-Луис выиграл последний чемпионат по бейсболу. Даже деревья в тот год тянули макушки, как на параде. По крайней мере, так казалось Бобби.

У него были мать, отец и бабушка, и никто из его знакомых не умер. Только в витринах магазинов он видел фотографии убитых на войне ребят. Бобби и его лучший друг Монро недавно породнились – стали кровными братьями, событие настолько впечатляющее, что всю дорогу домой они молчали. Его старшая сестра, Анна Ли, белокурая голубоглазая красотка, пользовалась популярностью среди ребят постарше, что вечно ошивались вокруг их дома и иногда разрешали

ему покидать мяч. Порой Бобби перепадал четвертак от какого-нибудь парня, чтобы он оставил их с Анной Ли наедине на веранде. В 1946 году четвертак означал пакетик попкорна, билет в кино плюс экскурсия в будку киномеханика – Снуки, сидевший там, никогда не отрывался от книжки Мики Спиллейна. А после кино Бобби шел напрямик в кафе «Трамвай», где их постоялец Джимми жарил для него бургер, если, конечно, бывал не слишком занят.

А то можно было зарулить в аптеку на углу и полистать новые комиксы, потому что Бобби позволялось читать бесплатно, его отец был фармацевтом, и главное не загибать страницы и не закапать их кетчупом. Тельма и Берта Энн, девушки, работающие за стойкой с содовой, считали его симпатягой и могли налить за так стаканчик вишневой колы, а то и коктейля, если повезет. Центр города представлял собой одну длинную улицу, даже при большом желании не заблудишься, а погода круглый год стояла как по заказу. Каждый октябрь, *как раз* перед Хэллоуином, на небо выкатывала большая рыжая круглая луна. День Благодарения всегда был в меру морозен и хрустящ – *как раз* чтобы после грандиозного праздничного ужина с индейкой побегать во дворе, поиграть в салки. Снег выпадал раз-два за год, *как раз* когда Бобби хотелось прогулять школу.

А потом наступала весна – с кузнечиками, лягушками и заново народившимися листочками на деревьях, а за нею лето, когда можно спать на открытой веранде, рыбачить, ны-

рять с вышки в городском бассейне, а Четвертого июля, после всех шутих, вертячек и бенгальских огней, появлялись светлячки и сине-зеленые майские жуки – чтобы продлить эту светящуюся ночь.

Жаркими, душными августовскими днями, когда кажется – еще немного, и отдашь концы от перегрева, набегают облака и вдруг далекий гром громыхнет таким басом, что под ложечкой отзовется. Из ниоткуда налетит ветерок, небо затянет свинцовыми тучами, и потемнеет так, что зажгутся уличные фонари, перепутав день с ночью. Мгновение – и лавина воды с грохотом обрушится с небес на штат Миссури, а еще минутка – и гроза, не предупредив, подберет юбки, и глядь – перебежала в другой город, оставив полные канавы – нарочно, чтобы Бобби выбежал пошлепать босиком, остудить ноги.

Хотя мистер Бобби Смит пока пробыл на этой земле всего ничего и занимал не так много места – каких-то четыре фута восемь дюймов, он успел обзавестись немалой собственностью. Большая часть ее хранилась в его комнате на полу, на стенах, на кровати и под кроватью, свешивалась с потолка и занимала все свободные поверхности. Как сказали бы декораторы, ему нравился бессистемный, беспечный, хаотичный подход к интерьеру. Мама же имела наглость наречь его комнату лавкой рухляди Армии спасения. Эта среднего размера спальня с маленьким шкафом была для Бобби личным волшебным королевством, полным несметных сокровищ.

вищ. Он был здесь единовластным повелителем, богатым, как султан. По правде говоря, в комнате не нашлось бы ничего, достойного внимания султана, да и простого смертного. Тоже мне ценности: коробка расписных черепашек, горсть камешков, расплющенная монета, которую они с Монро подложили на трамвайные рельсы, да картонный ковбой Сансет Карсон из элмвудского кинотеатра, в натуральную величину, – Снуки подарил. Или вот еще – два серебряных доллара, искусственный желтый рыбий глаз, найденный позади Дома ветеранов войны, маленький стеклянный джип, в котором когда-то лежали конфеты, – секунд пять они пролежали, не больше. Из приобретений этого года: рогатка ручной работы, мешочек со стеклянными шариками, светящееся в темноте кольцо – 1 шт., компас – 1 шт., конструктор – 1 шт., йо-йо – 3 шт., модель самолета, щетка для волос с наклейкой Одинокого Рейнджера (подарок Монро на день рождения, его мама покупала), картонная бензоколонка «Файрстон», укомплектованная насосами, и полка с книжками по десять центов: «Терри и пираты», «Джо Палука», «Ред Райдер». Под кроватью несколько комиксов: «Человек-паук», «Поросенок Порки», «Малышка Одри» и «Каспер – дружелюбное привидение», а еще железная дорога, плетеный индийский браслет, подаренный девочкой (Бобби считает его потерянным), и руль от старого велосипеда в белой резиновой оплетке.

Но мир Бобби не ограничивался тем, что он мог увидеть и пощупать в четырех стенах своей комнаты. Он уезжал за ты-

сячи миль на игрушечном поезде, стоявшем под кроватью, сбивался с пути в коварных горах, искал выход из длинных мрачных пещер над яростно рычащими горными реками и на пластмассовом самолете, что свисал на нитке с потолка, облетал вокруг света, частенько оказывался в джунглях Амазонки, кишаших аллигаторами. Даже уличный фонарь на углу дарил Бобби удивительные путешествия. Лежа на кровати ветренными летними вечерами, он смотрел на пляшущие тени, и тополь перед домом вскоре обращался в пальму на тропическом острове, и пассатные ветры врывались в открытое окно. Бывало, ночами он слышал слабые отголоски гавайской музыки и видел, как девушки танцуют хулу прямо перед окнами спальни Робинсонов. Бобби так вдохновился этими образами, что записался в кружок игры на укулеле². Его ждало ужасное разочарование. Он-то надеялся, что инструмент запоет, едва коснешься струн. Но нет. Извлеченный звук был столь далек от музыки, гавайской и вообще какой бы то ни было, что Бобби быстренько перешел в класс губной гармошки. Он был уверен, что играет, однако ошибался. Богатое воображение помогало ему слышать стук копыт и видеть поднятую пыль иссушенных пустынь Дикого Запада, когда он скакал на палке от метлы по заднему двору. В тот год он засыпал со звучащими в голове голосами ковбоев и индейцев. «Стрелки Том Микс и Ралстон Страйт в эфире!». «Американский ковбой с Дикого Запада!». «Хло-

² Популярный на Гавайях четырехструнный музыкальный инструмент.

пья “Куэйкер оутс” – питательно, воспитательно, предпринимательно!». «Задай им жару, Рейд Райдер». «Я снова в седле». «Быть мне вислоухим кенгуру, если это не облава». «Я Тонто, ты Кемо Сабе³». И его любимое: «Хай-о, Силвер, прочь!»

Стороннему наблюдателю его жизнь может показаться идеальной. Но, если честно, удовольствие быть Бобби Смитом омрачали два темных пятна. Первое – внешность. Карие глаза и темные волосы смотрелись еще куда ни шло. Зубы ровные. Уши немного оттопырены, но в рамках приличия. А вот губы создавали проблему: в уголках они немного загибались вверх, придавая ему такой довольный вид, будто он знает какой-то секрет. Мать и учителя постоянно приставали: «Ты что это задумал?» – даже когда он ничего не задумывал. И как ни доказывай невиновность, кончалось одним и тем же: «Не лги, Бобби Смит, у тебя на лице все написано».

Другим темным пятном были родичи. Все знали, кто его родители, и бежали жаловаться, стоило ему совершить оплошность. Его отец – единственный в городе фармацевт, член клуба «Ротари», член Клуба Лосей и старший священник Первой методистской церкви, – естественно, был одним из первых людей Элмвуд-Спрингса. Но что еще хуже, его мама была на местном радио известной персоной – под именем

³ «Кемосабе» – так на ломаном английском обращается к рейнджеру Рейду индеец Тонто в знаменитой американской радиопостановке 1930-х гг. «Одинокий рейнджер».

Соседка Дороти она вела программу из собственной гостиной пять дней в неделю. И каждый год она рассылала своим слушателям поздравления с Рождеством на открытке с фотографией своей семьи, так что люди за много миль отсюда знали, как он выглядит, а порой, когда приглашенный на передачу гость не приходил, мама хватала Бобби и начинала задавать ему всякие вопросы в эфире, типа они с ней не знакомы. На каникулах она заставляла его читать по радио какую-нибудь дурацкую длинную поэму. А самое жуткое – в маминой передаче часто обсуждалась его личная жизнь, и все, что он совершил, хорошее или плохое, тут же становилось достоянием общественности.

Единственное утешение – сей крест несли оба отпрыска Смитов, но Анну Ли это не утешало. В прошлом году у его сестры случилась истерика, когда мама сообщила по радио, что Анна Ли пока не ходит на свидания – ждет выпускного бала, надеясь, что ее пригласит мальчик, похожий, как ей кажется, на Гленна Форда – актера, по которому она сохнет. Дороти и раньше делилась со слушателями семейными делами, но когда Анна Ли услышала, что эта информация разлетается со скоростью звука, она рванула в свою комнату, вопя, будто ее подстрелили, и бросилась на кровать, всхлипывая:

– Ох, мама, как ты могла? Ты загубила мою жизнь. Меня теперь до смерти никто не пригласит на свидание. Мне больше незачем жить.

Два дня она рыдала, лежа в постели с мокрым полотен-

цем на лбу, а ее переполошенная мать пыталась успокоить дочь, пичкала домашним персиковым мороженым и обещала больше не упоминать ее имя в передаче.

Бобби лишь посмеивался: он еще не вступил в тот возраст, когда мнение о тебе других людей – вопрос жизни и смерти. И хотя не все проказы сходили ему с рук, он не слишком огорчался и, как большинство десятилетних мальчишек, верил, что чудо может произойти в любую секунду.

Соседка Дороти

В конце 1920-х – начале 1930-х, когда вдоль проселочных дорог к разбросанным по пустыне фермерским хозяйствам побежали провода, жизнь фермерских жен изменилась и долгие дни, протекавшие прежде в одиночестве, вдали от соседей, внезапно наполнились теплыми, дружелюбными голосами. Это были голоса других женщин, и доносились они из радиоприемников. Программа называлась «Домашнее радио». В 1924 году в разных уголках Среднего Запада женщины начали выходить в эфир, снабжая друг друга новыми рецептами, советами по воспитанию детей, ведению хозяйства и садоводству, обменивались местными новостями, давали небольшие домашние концерты, но главное – эти передачи были для многих сродни встрече с подругами. Каждый день жители Айовы слушали «Кухонные истории» с Лианной Дрифтмиллер или «На проселочной дороге» с Эвелин Беркби. Те, кто мог поймать сигнал из Южной Дакоты, познакомились с Уинн Списи – «Дамой по соседству». В эфир еженедельно выходили Аделла Шумейкер, Ида Бейли Аллен, Бернис Курьер, Альма Китчелл, Эдит Хансен и другие.

Одной из таких радиовещательниц была и мать Бобби, миссис Дороти Смит. Она вела передачу из собственного дома в Элмвуд-Спрингсе, штат Миссури, с 9.30 до 10.00 утра,

через местную радиостанцию УДОТ на частоте 66. Дороти как нельзя лучше подходила для такой работы, и не только потому, что любила поговорить. После учебы в Бостоне она вернулась домой с дипломом по домоводству и уходу за детьми и с намерением не упустить Роберта (Дока) Смита, недавнего выпускника Школы фармацевтики, на которого положила глаз. Через шесть месяцев они прошествовали по проходу между рядами Первой методистской церкви прямо в семейную жизнь. В эфир Дороти начала выходить в 1936-м, и к концу войны ее уже многие знали как «Соседку Дороти». Каждый день Налон Клегг, диктор радиостанции в Поплар-Спрингсе, представлял ее одной и той же фразой:

– А теперь – моя и ваша соседка из белого домика прямо за углом, где бы вы ни находились, леди с улыбкой в голосе, Соседка Дороти... Аккомпанирует на фисгармонии Мама Смит!

Далее раздавались вдохновенные аккорды песни «На солнечной стороне улицы» в исполнении свекрови Дороти.

Песня была выбрана не случайно. Покупая в 1934 году дом, Док и в самом деле искал дом на солнечной стороне улицы: его жена обожала фиалки-синеглазки и любила, чтобы на каждом окне стояли цветы. Соседка Дороти была полноватой женщиной, но полнота ее радовала глаз, как и радужная улыбка. Эта улыбка украсила обложку ее поваренных книг и рекламных щитов по всему Среднему Западу. Тем, кто видел ее фотографию или слышал спокойный, дру-

желобный и всегда веселый радиоголос, могло показаться, что эта женщина в жизни не ведала ни бед, ни тревог. Но была у нее тайна, о которой почти никто не знал, – их первенец, четырехлетний белокурый малыш по имени Майкл. Дороти думала, это обычный детский вирус или простуда, наверняка ничего серьезного. Но вдруг он забился в конвульсиях. Умер внезапно и без всякого предупреждения. Вот он смеется, живой и жизнерадостный, а завтра его уже нет.

Врачи сказали, это была крайне агрессивная бактериальная инфекция. Что за инфекция, в больнице так и не выяснили. Невозможно примириться со смертью любимого человека, но нет ничего страшнее, чем потерять ребенка.

Мать Дока, вдова, переехала к ним, чтобы как-то помочь. Спустя некоторое время Док вернулся к работе, но Дороти ничего не могла делать – сидела в комнате сына и смотрела на его кроватку.

Она не ела, несмотря на кулинарные ухищрения Мамы Смит, и не могла спать без таблеток. Хотя доктора повторяли, что ничего нельзя было сделать, она не верила. Снова и снова задавала себе одни и те же вопросы. Сотня «почему» и «что если» – и ни одного вразумительного ответа. И Док ничем не мог помочь. Даже наоборот. Ее возмущало, как быстро он оклемался, будто ничего не случилось. Даже не желал об этом разговаривать. Стоило заикнуться – просто выходил из комнаты. Она была молода и не знала, что люди по-разному справляются с горем. Док – тоже еще молодой – был не

прав, стараясь взять себя в руки и быть сильным ради жены. Она не знала, что он часто уезжал подальше за пределы города и просто сидел в машине и плакал.

Рана от потери ребенка не заживала и до конца не заживает. Но через год с небольшим они оба смогли вернуться к повседневной жизни.

Тогда-то Дороти и взялась печь, чтобы отвлечься. По пять, а то и десять тортов в день. И скоро горожане стали носить с собой вилки в карманах или сумочках: всякого, кто шел мимо, зазывали отведать кусочек. Все знали, что приглашение искреннее, ибо с тортами перебор, – и заходили, и отвеदывали. Герта Нордстром, подруга Дороти, хозяйка бакалеи, сказала, что у нее вполонину упали продажи, оттого что Дороти всех угощает. Тогда Дороти стала печь для бакалеи Нордстромов и прослыла чудо-кондитером. Однажды рецепт ее шестислойного ананасового торта-перевертыша занял второе место в конкурсе на лучшую выпечку в Пиллсбури, и ее пригласили выступить на радио в Поплар-Блаф. Посреди интервью она упомянула, что всегда использует муку «Голден флейк – легче перышка», продажи «Голден флейк» за один вечер удвоились, а ей предложили вести собственную передачу. Вскоре на заднем дворе их дома красовалась огромная радиоантенна с красным огоньком на верхушке. Позже, когда родилась Анна Ли, Дороти с Доком снова стали прежними, хотя и не забыли светловолосого малыша. Жизнь шла своим чередом, пока вдруг не изменилась в один прекрас-

ный день – Дороти тогда было сорок три, и они давно перестали об этом мечтать. Врач сообщил Дороти, что с ней происходят вовсе не те изменения, на которые она грешила, – это не климакс, а беременность. И как гром среди ясного неба явился Бобби – человек, изменивший их жизнь во всех смыслах слова.

Водонапорная башня

Может, оттого, что в детстве человек ближе к земле, а может, оттого, что чувства еще не потеряли остроту, но детям дни кажутся длиннее, запахи сильнее, цвета ярче, звуки громче, а смешное – еще уморительней. Бобби каждый день глядел на мир новыми глазами и чуть ли не трясся от восторга. Включи его в розетку – засветится, как лампочка в 500 ватт. Все это замечательно – для него, но у домашних было ощущение, что они живут со щенком весом в 68 фунтов, который весь день носится туда-сюда. Вот и сегодня они с Монро задумали сделать такое, чего не должны были.

Они протопали почти милю за черту города, к водонапорной башне с надписью крупными черными буквами «ЭЛМ-ВУД-СПРИНГС», имея четкое намерение залезть на самый верх. Узнай об этом мать Бобби, с ней случился бы сердечный приступ или чего похуже. Несколько лет назад с этой башни свалился старшеклассник и разбился насмерть. Но в детстве такие факты не пугают. С тобой-то ничего не случится. Кроме того, они с Монро друг друга подзуживали, так что пути к отступлению не было.

Втайне оба немного нервничали – боялись в последнюю минуту струсить, а тогда тебя назовут слабаком. Но соблазн похвастаться перед всеми (кроме предков) был сильнее страха. И Бобби придумал, как сделать, чтобы об их подвиге на-

верняка узнали.

Утром он сходил в лавку «Инструменты Уоррена» и купил большой моток суровых ниток, а Монро набил полный карман воздушными шариками, которые они собирались надуть и привязать на верхушке башни, чтобы развеять сомнения самых недоверчивых. Но когда они добрались до башни и глянули на нее снизу... Верхушка, издавек казавшаяся серебристым шариком в небе, теперь была с футбольное поле величиной. До нее так высоко, что шея тут же заныла. Говорят, оттуда видно шесть штатов, а в ясный день можно разглядеть даже Айову. Может, и врут, конечно. Бобби и Монро вздыхали, пинали комья земли, потом принялись обсуждать план с шариками.

– Думаешь, надуть надо до того, как полезем? – тянул время Монро.

– Нет. Ты что, не помнишь, сто раз говорили. Если сразу надуть, кто-нибудь увидит, что мы лезем.

– А-а, ну да.

– Наверху надуем, привяжем – и быстрее смываться.

Монро, коренастый рыжий мальчик с розоватой кожей, вдруг побледнел.

– Кто первым? – Он задрал голову.

Бобби с места не двинулся. Тогда Монро сказал:

– Ты придумал. Ты и лезь первым.

– Да нет, ничего, можешь ты первым, если хочешь. Мне все равно.

– Да нет уж, надо все по-честному. Ты придумал – тебе и лезть.

Монро прижал его к стенке, отступать некуда.

– Ладно, если боишься, я пойду.

– Не боюсь я, просто ты ведь придумал, вот и все.

– Тогда сам иди, раз хочешь.

Монро снова поглядел вверх:

– Я не хочу.

Бобби сказал как можно беспечнее:

– Ладно, я пойду, но помни – Мак Уоррен сказал ни в коем случае не смотреть вниз, пока не долезишь.

– Ладно.

– Ну, вперед.

Бобби вдохнул побольше воздуха, поставил ногу на первую ступеньку и начал карабкаться по узкой железной лестнице. Вскоре они поняли, что подъем обещает быть долгим и крутым. Они не учли, что чем выше, тем жарче будет припекать, тем труднее держаться за скользкие железные перила потными руками, не говоря уж о ветре, который так и норовит сорвать их и швырнуть наземь. Через час – по крайней мере, казалось, что прошел час, – они наконец достигли верхушки – еле дыша, обливаясь потом, измученные пеклом и жаждой. На крошечной круглой площадке из гофрированной стали пришлось сесть, так дрожали ноги. Лицо у Монро было таким же красным, как надувные шарики у него в кармане.

Посидев, они собрались с силами и отважились встать и выглянуть за ограждение. Монро сказал:

– Ух ты! Под нами тыщ десять футов. Мы выше, чем на самолете, даже выше Эмпайр-стейт-билдинг!

Выше-то, конечно, не выше, но ошибиться немудрено. Бобби и Монро частенько забирались на дерево или крышу гаража, но тут и сравнивать смешно. Отсюда видать на много миль вокруг.

Бобби просто онемел. Мир-то вовсе не круглый, как глобус в папином кабинете, нет, он плоский, совсем как карта, разлинованная на коричневые и зеленые квадраты. Но когда Монро указал направо, на их родной город, Бобби второй раз в своей юной жизни испытал шок.

– Глянь, – сказал Монро, – вон церковь, а вон наша школа, узнаешь?

Бобби открыл рот. Нет, быть того не может. Элмвуд-Спрингс час назад был для него огромным городом, а оказался всего-навсего горсткой домишек и улочек не длиннее дюйма – жалкий лоскуток жизни посреди пустыни. Вон она, Мейн-стрит, главная улица: с одной стороны церковь, с другой – Масонская ложа. Черные точки не крупнее мурашей ползают туда-сюда, ездят игрушечные машинки величиной со спичечный коробок, а дома – как фишки в «Монополии».

Монро сказал:

– А вон твой дом. Видишь радиомачту на заднем дворе?

Бобби напряг глаза, всматриваясь. Точно, его дом. Вон красный фонарь на верхушке мачты, а если прищуриться, можно заметить и черную точку во дворе, что вешает белье на веревку. Потом вдруг до него дошло: черная точка – это его мама! И следом пришла в голову вторая мысль, напугав его чуть не до смерти. А что, если он стоял бы сейчас дома, на заднем дворе, а кто-то разглядывал его сверху? Ведь это *он* тогда был бы не крупнее муравья. Нет, половинки муравья... Не больше блохи! Для того, кто смотрит отсюда, он бы вовсе не был центром гигантской вселенной, драгоценностью, что родители берегут как зеницу ока. Для того, кто смотрит отсюда, он был бы ничем и никем, такой же черной крапинкой на планете Земля, как остальные. Его прошиб холодный пот.

– Мне надо домой, мама ждет, – сказал он. И начал спускаться.

Монро кричал вслед:

– погоди, мы же еще не надули шары. Стой!

Но Бобби не слышал. Единственным звуком в ушах был бешеный стук сердца, а единственной мыслью – как можно быстрее попасть на землю, домой, где он будет нормального размера.

А Монро, брошенный в одиночестве, драпать не собирался. Не дождетесь. Раз уж он залез на такую высоту, пусть об этом узнают. К черту Бобби Смита, он сам надует шары. Вытащив шарик из кармана, стал надувать – и вдруг вспомнил. Подбежал к лестнице и заорал вниз:

– Бобби, погоди, нитки-то у тебя!

Поздно. Бобби уже на полпути к земле.

Добежав до дома, Бобби распахнул дверь, юркнул к себе в комнату и бросился на кровать. Анна Ли была на веранде. Заметив выражение его лица, она решила, что за братом кто-то гонится. Может, Лютер Григгз, здоровенный бугай, не упускавший шанса надавать Бобби тумаков? Но нет, Лютера не видно.

Бедняга Монро проторчал на башне еще минут сорок пять, пытаясь привязать к железной ограде хотя бы один красный шарик, но все они улетели.

А для Бобби этот день значил гораздо больше, чем неудавшаяся проказа с шариками. Он впервые увидел себя со стороны, а не из центра собственной гигантской вселенной. Ему всегда казалось, что он особенный. А получается, он всего-навсего точка среди таких же крошечных точек? Неужели такое возможно?

Потрепанная Энн

В тот вечер Бобби был на удивление ласков и после ужина, когда все вышли скоротать вечер на веранде, пристроился головой на коленях матери, сидевшей на качелях, и уснул, чего с ним не случалось лет с шести. День был необычайно жарким, и теперь все семейство, включая Джимми и собаку Дороти, рыже-белого кокер-спаниеля по кличке Принцесса Мэри Маргарет, наслаждалось прохладой. Ночь выдалась тихая, и все с удовольствием слушали стрекот кузнечиков и скрип качелей. Дороти смотрела на Бобби. Он крепко спал у нее на коленях и не проснулся, даже когда она поменяла затекшую ногу. Она убрала ему волосы со лба.

– Небось напроказил что-нибудь. Вон как убегался.

Анна Ли сказала:

– Я думала, за ним снова гонится Лютер Григгз. Днем он влетел в дом на скорости сто миль в час.

Дороти вздохнула:

– Боюсь, этот Григгз когда-нибудь его покалечит. Он уже на голову выше Бобби.

Док выбил пепел из трубки о край ступени.

– Ну, я бы не волновался. Бобби, может, и не вышел ростом, зато шустрый.

Дороти подумала и согласилась:

– Да, ты прав. На днях, пока я включала радио, он успел

выскочить из дому и очутиться далеко в поле, одна макушка мелькала.

Анна Ли – подросток, которая теперь называла брата не иначе как «этот ребенок», – высказалась:

– Этот ребенок – сплошная проблема, правда, мама?

– Да, но бывает милым, если захочет. Просто возраст, наверное.

– Я была такая же? – спросила Анна Ли.

– Нет, ты была сущим ангелом. Помнишь, Мама?

Мама Смит кивнула:

– Точно. Ты была очень воспитанной девочкой. Я тебя везде с собой брала, и никаких проблем – возишься себе с куклой, не пикнешь.

– Ты очень любила своих кукол, – улыбнулась Дороти. – Одна была такая большая, ее звали Потрепанная Энн. Твоя любимица, ты с ней не расставалась.

Они посидели в тишине, послушали кузнечиков. Потом Дороти спросила Анну Ли:

– А что, кстати, стало с Потрепанной Энн?

– Бобби оторвал ей голову.

– Ох.

Мимо торопливо прошла Тот Хутен, на вид, как всегда, совершенно измученная. Она не остановилась, но помахала рукой и крикнула через плечо:

– Мамуля снова оставила сумку в кинотеатре, надо успеть, пока они не закрылись.

Мама Смит покачала головой:

– Бедняжка Тот, это уже второй раз за неделю.

– Бедняжка Тот, – согласилась Дороти.

Через несколько минут Тот шла обратно, неся огромную сумку матери.

– Вижу, нашлась пропажа, – крикнула Мама Смит.

– Да, Снуки нашел и дождался меня, слава богу. Спокойной ночи.

Все сказали «спокойной ночи», а Мама Смит добавила:

– Передай от меня привет маме.

– Ладно.

Когда она была уже далеко, Дороти снова вздохнула:

– Бедняжка Тот. – И вдруг вернулась к прежней теме: – Жаль, что Бобби так поступил с Потрепанной Энн. Я надеялась, ты подаришь ее своей дочери. Ты так любила эту куклу. Даже в школу с собой брала. Надо же, ощущение, что только вчера я тебя провожала в первый раз в первый класс.

– Я что, сама не могла дойти? – спросила Анна Ли. – Это же всего два квартала.

– Нет. В первый день я тебя провожала, но ты не боялась. Наоборот, радовалась. Я стояла и смотрела, как ты поднимаешься по лестнице вместе с Потрепанной Энн. Наверху ты обернулась и помахала мне рукой, потом вошла. А у меня сердце чуть не разорвалось: казалось, я теряю свою девочку. Стояла перед школой посреди улицы и рыдала в голос, на глазах у всего честного народа.

– Правда, что ли? – не поверила Анна Ли.

– О да, – кивнул Док. Он разжег трубку, затушил спичку и положил ее в пепельницу возле стула. – Твоя мама пришла в аптеку почти в истерике. Словно не в школу тебя проводила, а на грузовое судно, уходящее к берегам Китая.

Анна Ли впервые слышала эту историю.

– Ты так же расстроилась, когда Бобби в первый класс пошел?

Дороти поглядела на спящего сына:

– Нет. Мне очень стыдно, но, думаю, я испытала облегчение. За день до этого он испортил все шесть тортов, испеченных для продажи в церкви. Сковырнул все верхушки и слопал. Так что нет, я с удовольствием сдала его на время. Но мальчишки другие. Вот выйдешь замуж, заведешь своего малыша – сама узнаешь.

Анна Ли потрясла головой:

– Только не я. Не собираюсь мальчишек рожать. У меня будут одни девочки.

Мама Смит засмеялась:

– Милая, дети не рождаются по заказу. Можешь сколько угодно хотеть девочку, но природа сама распоряжается.

– Тогда я не стану замуж выходить.

– Так мы все говорим, пока наш суженый не войдет в дверь. Правда, Дороти?

– Да, со мной так и было. Всем разболтала, что собираюсь в Нью-Йорк, чтобы попасть на сцену и стать второй Сарой

Бернар. А потом твой папа пригласил меня на рождественский танец, и все мои планы о бродвейской карьере вылетели в окно. – Дороти поерзала на качелях, Бобби не просыпался. – Ну вот, и вторая нога затекла. Не знаю, что у него в голове, но весит она тонну.

– Может, камни, – сказала Анна Ли.

Джимми встал, зевнул и потянулся:

– Ладно, пойду, наверное. До завтра.

– Спокойной ночи, Джимми.

Дороти взглянула на Дока:

– А ты, мистер суженый, отнеси-ка сына в кровать. Мне нужно еще поработать над передачей, пока не поздно. Уже почти десять.

Док отложил трубку и взял Бобби на руки.

– Пижаму на него надевать?

– Нет. Пусть поспит одетый, ничего страшного.

– Тогда всем спокойной ночи. – У двери Док обернулся: – Спокойной ночи, мисс Бернар.

Док Смит

Док был намного старше отцов друзей Бобби, и это его беспокоило, ведь он не мог побороться со своим сыном или погонять в футбол, как другие. Впрочем, и от него бывал прок. Док, например, в юности здорово играл в бейсбол. Он по сей день оставался ярым бейсбольным фанатом и заразил этим Бобби, они вместе слушали по радио все игры и изучали статистику. Отец обучил Бобби многим тонкостям.

Док не любил охоту, зато был заядлым рыбаком и брал с собой Бобби с тех пор, как мальчик научился ходить. В половине четвертого утра, задолго до рассвета, Док заходил к нему в комнату, одевал, и оба на цыпочках выскальзывали из дому, чтобы не потревожить робинсоновских кур, иначе те перебудят всю округу. Док как можно тише заводил свой «додж» 1938 года с паршивым глушителем и ехал по проселочным дорогам к реке. В такие предрассветные часы он давал сыну отхлебнуть кофе из прихваченного с собой термоса с непременным предупреждением:

– Ладно, глоточек, только маме не говори.

Это был ритуал. Бобби казалось – они соучастники в каком-то тайном сговоре. И хотя кофе на вкус был горьким и гадким, он пил не поморщившись. Мужской напиток, и справляться с ним надо по-мужски. Иногда они ездили в компании с Гленном Уорреном и его сыном Маком, но Боб-

би больше нравилось вдвоем. Ему нравилось, как отец представлял его другим мужчинам в лагере – мол, это мой сын. Папу явно уважали, как тут не испытать гордость. Еще нравилось ему в лагере рыболовов «У Старины Джонсона», где они брали напрокат лодку. В хлипкой деревянной хибаре хранились удочки и рыболовная снасть. Чучела рыб всех мастей и размеров занимали каждый дюйм стены. Потеснив рыб, на стене висел календарь с красавицей в коротких шортах: она ловила нахлыстом, стоя в воде, – Бобби это казалось экзотикой. Они покупали наживку, две бутылки газировки, крекеры, банку с сардинами и венские сосиски на обед и к восходу уже были на воде. Работа Бобби состояла в том, чтобы грести туда, где в тенистой глубине прячется крупная, толстая форель и зубатка, чтобы отец забросил наживку как можно ближе к берегу. Крекеры, которыми торговал мистер Джонсон, пахли плесенью, а газировка к полудню нагревалась, но это неважно. Проголодаешься – все покажется вкусным. Иногда они возвращались со связкой рыбы, иногда попадались две-три штуки. Однажды улов был совсем скудным и папа купил у Старины Джонсона несколько форелей. Вечером Бобби в таких подробностях рассказывал детали рыбалки – как трудно было вытянуть каждую рыбку и как она сопротивлялась, – что мама заподозрила неладное. Но Бобби было все равно, сколько они наловили, он просто любил проводить время с отцом.

А пару лет назад папа небрежно выложил на стол в кухне

горсть билетов и спросил:

– Хочешь, поедем на чемпионат мира по бейсболу?

Чудо из чудес – их команда, «Сент-Луис Браунс», играла в этом году с «Сент-Луис Кардиналс», и весь штат Миссури мечтал попасть на стадион. У Дока был друг по школе фармацевтов, Люк Сьюелл, так этот Сьюелл оказался двоюродным братом менеджера команды «Сент-Луис Бразерс» и раздобыл Доку билеты. Док нашел себе замену в аптеке, а Дороти уложила чемоданы. 3 октября они вдвоем сели на поезд до Сент-Луиса с билетами на все шесть игр, если не сократят количество встреч, а они сильно надеялись, что не сократят.

Какой город! Какое путешествие! Вдвоем с отцом жить в отеле, есть в ресторане, будто они оба взрослые. На «желтом такси» они доехали до аптеки «Рексалл» в центре Сент-Луиса, чтобы повидаться с папиным другом. Бобби сфотографировался под стальной аркой «Ворота» и получил в подарок новенькую бейсболку «Браунс». Каждый день в центре города, на Норс-Гранд-авеню, они садились на трамвай и долго ехали до Спортивного парка. Стадион в первый день матча... На трибунах витал аромат лосьона после бритья «Олд спайс» и сигаретный дым, возбужденные мужчины и мальчишки всех возрастов громогласно переговаривались и спорили. Толпа людей, шум, запахи, удары биты, зеленая трава, хот-доги, жареные орешки и – глоток пива «Пабст блю рибон»! Это было слишком. Бобби так разволновался, что закружилась голова. Их команда выиграла первую игру со сче-

том 2:1, обнадеежив зрителей, но, как и ожидалось, эту серию встреч проиграла. Но они все равно за нее болели. Оба чудесно провели время. И хотя бедолаги «Сент-Луис Бразерз» больше ни разу не пробились на чемпионат мира, Бобби, по крайней мере, вернулся не с пустыми руками. Он стал гордым обладателем настоящего, взаправдашнего бейсбольного мяча с чемпионата, который умудрился поймать его отец во время аута. Мяча, подписанного самим шорт-стопом Марти Марионом, «самым ценным игроком» Национальной лиги в этом году. Бобби с отцом простояли в очереди за автографом часа два, но оно того стоило. Вернувшись, Бобби его всем показывал и на неделю, пока все не посмотрели на мяч по нескольку раз, стал большим человеком в городе. А Док прекрасно отдохнул. Что-что, а отдых ему был необходим.

Поглядеть со стороны, так аптекарь в маленьком городке – не такая уж тяжелая работа, никакой опасности, никакой нервозности. Но были в ней свои тяготы, о которых мало кто догадывается. Аптекарь совмещает уйму разных обязанностей: каждый горожанин вываливает на тебя нудные подробности о болячках, а ты с великим терпением выслушивай, а в придачу птицы со сломанными крыльями, дети с порезами и ушибами, прищемленными пальцами и растянутыми лодыжками, а сколько насморков, поносов, сколько кашлей, кошачьих царапин и собачьих укусов, сколько синяков под глазом и сыпи от ядовитого плюща! И все к нему. Впрочем, помогал-то он с радостью. Тяготило другое: Док, единствен-

ный фармацевт в Элмвуд-Спрингсе, был причастен к такой сугубо личной информации и таким секретам, о которых порой лучше бы не знать. Ведь по выписанному врачом рецепту он всегда понимал, чем человек болен.

Док, например, страшно волновался за своего друга-сердечника – увидел, насколько сильные препараты ему выписаны и в каких дозах, но поделиться тревогами ни с кем не мог. Также он знал, что Бедняжка Тот Хутен получила рецепт на «антабус» и каждое утро тайно подсыпает его в кофе своему мужу Джеймсу Дуэйну, чтобы тот прекратил пить. Он знал, какие солдаты вернулись с войны с сифилисом, какие дамы принимают таблетки от невроза, какие мужчины лечатся от импотенции, какие женщины страдают от женских болезней, какие хотят иметь детей, а какие нет. И все это приходилось держать в себе. Особенно было трудно, когда дело касалось его семьи. Он узнал, что отец умирает, в тот день, когда увидел рецепт на морфин, задолго до дня смерти.

Но если на работе он уставал, то домашняя жизнь была для него спасительным бегством. И скучно у них дома не бывало. Взять хоть прошлую неделю, когда зашел совершенно незнакомый человек и обедал с ними.

Из-за того что автобус на Грейхаунд останавливался прямо напротив их дома, на веранде или в гостиной всегда сидел народ. Да плюс радиофанаты Соседки Дороти. Немудрено было ошибиться. Увидев входящих и выходящих людей и нарисованные на окне буквы – название радиостанции, че-

ловек решил, что это такой ресторан «УДОТ». Недурно было бы пообедать здесь перед дальней дорогой в Поплар-Блафф. Около 5.30 вечера он припарковал машину у крыльца, вошел, сел в гостиной вместе с Доком и Джимми, читающими газету, и спросил:

– Когда подадут обед?

Док не знал, кто это, но вежливо ответил:

– Минут через тридцать.

Потом человек спросил, где туалет, посетил его, вернулся и сел ждать, листая лежавший рядом журнал.

Док решил, что это один из спонсоров Дороти, – мало ли, заехал человек в город. Когда Дороти крикнула, что еда на столе, человек поднялся и вошел в столовую. Никто не спросил даже его имени, каждый подумал, что это приятель кого-то из домашних, и Дороти молча поставила еще одну тарелку. Гость основательно приложился к тушеному мясу с пюре и во время трапезы развлекал народ байками из жизни профессионального страховщика домашней птицы и рассказами, как над ним подшучивают из-за фамилии Фаулер – «Птицелов». Они и не представляли, сколько в мире разнообразных пород кур. Справившись со вторым куском кокосового торта, он откинулся на спинку стула и сказал:

– Ладно, господа, поеду-ка я, пока не стемнело, – и вытащил бумажник, спросив Дока, сколько он должен.

Дороти удивилась:

– Что вы, ничего не надо, мистер Фаулер, вы доставили

нам удовольствие. Надеюсь, будете к нам заглядывать всякий раз, как поедете мимо.

В этот вечер мистер Чарли Фаулер покинул Элмвуд-Спрингс в уверенности, что нет на земле города дружелюбнее. Потом он часто заезжал в гости, и ему были рады.

Обыкновенный день

В обычный будний день Джим Хед, постоялец Смитов, всегда просыпается первым. Он встает около половины пятого, идет в кухню, варит кофе, выпивает чашку и до пяти утра уходит. В такую рань свет в городе зажигают только в бакалее Нордстромов, которые открываются в 7.30, но в кафе «Трамвай» к шести уже полно желающих позавтракать. Док и Мама Смит тоже ранние пташки, в 5.30 они обычно появляются на кухне и вместе пьют кофе. Дороти к 6.30 умыта-одета. Она выходит на кухню и начинает день с того, что ставит в духовку противень с радио-печеньями, а потом кормит Принцессу Мэри Маргарет и двух желтых канареек – Клецку и Мой. Если на дворе лето, Бобби встает в 7.00, а Анна Ли выплывает в кухню к половине девятого – ей нужно побольше спать, чтобы быть красивой. В аптеку Док отправляется к 7.30, открывается в 8.00.

В 9.20 уже прошли разносчики молока, мороженого и хлеба, а из соседнего дома приходит Беатрис – Слепая Пташка Певчая, – она каждый день поет для передачи. Они с Мамой Смит, которая аккомпанирует ей на маленькой фисгармонии, идут в гостиную репетировать песню Беатрис. Дороти и Принцесса Мэри Маргарет подтягиваются к началу передачи – в 9.25.

Принцесса Мэри Маргарет виляет хвостом, приветствуя

всех, кто зашел на передачу, а то запрыгнет кому-нибудь на колени и устраивается поудобнее. Когда же не в настроении, лежит в своей корзинке под столом Дороти. (Многие замечали, насколько собака воспитана лучше Бобби.) Потом Дороти приветствует зрителей – обычно это ожидающие автобуса или дамы из женского клуба. Дороти садится, в последний раз пробегает взглядом план передачи и рекламные тексты и выглядывает в окно, чтобы сообщить аудитории самые свежие сведения о погоде. Ровно в 9.30 мигает красная лампочка на стенке фисгармонии – сигнал «в эфире», и Мама Смит берет первые ноты вступительной мелодии. Программа начинается... А весь город и его окрестности уже сидят у радиоприемников.

Сегодня в пятнадцати милях от города миссис Элнер Шимфисл, фермерша, широкая в кости, с простым, но приятным лицом, вышла во двор с бело-голубой кастрюлей и принялась разбрасывать корм. Со всех сторон к ней кинулась птица – в основном петухи род-айлендской породы. Пригнув головы, они сражались за каждое зернышко. На миссис Шимфисл был новый передник в зеленую клетку поверх выцветшего платья в цветочек и удобные белые старушечьи туфли.

Щурясь от солнца, она посмотрела вдаль, углядела мужа, бредущего за плугом, который тянули два черных мула, и позвала:

– Эгей, Уилл!

Маленький человечек в громадной соломенной шляпе остановился, помахал рукой и вернулся к работе. Опустошив кастрюлю, она отнесла ее к водяному насосу, сполоснула и повесила сушиться на торчащий в стене дома гвоздь, рядом с большим железным корытом. Снова взглянула на солнце, вытерла руки о передник и, решив, что, пожалуй, пора, вернулась в дом. На ногах с четырех утра, она успела подоить корову, собрать яйца, приготовить завтрак мужу, вымыть пол в кухне, повернуть постирушку, развесить белье, замочить мужнин рабочий комбинезон, нарезать цыпленка и закрутить шестнадцать банок инжирного варенья. Пожалуй, можно себе позволить посидеть минутку. Налив чашку кофе и приготовив карандаш и блокнот, чтобы записывать рецепты, миссис Шимфисл включила радио, настроенное на волну УДОТ, – единственную станцию, которую в таком захолустье слышно почти без помех. И тут как раз объявили «Соседку Дороти». За последние шестнадцать лет она ни разу не пропустила эту программу.

Помимо «Соседки» миссис Шимфисл слушала только «Евангельские чтения», фермерский отчет и музыку кантри в программе «Грэнд оул оупри». Соседка Дороти начала, как всегда, бодро:

– Всем доброго утра. Как поживаете? У нас в Элмвуд-Спрингсе чудесная погода, надеюсь, как и у вас, где бы вы ни были. Сегодня столько прекрасных новостей, столько специально приглашенных гостей... Нет-нет, молчу, все по

порядку. Прямо передо мной в нашей гостиной сидит человек, с которым, я уверена, вы давно мечтаете пообщаться. Мистер Мило Корабель приехал из самого Нью-Йорка, чтобы рассказать нам о своей новой книге «На вершине холма под дождем», и нам не терпится об этом услышать. А еще мы хотели бы поприветствовать других гостей в студии.

У нас тут шесть дам из клуба садоводов «Клэр де люн», сегодня они едут в Сент-Луис на большую цветочную выставку (Мама Смит сыграла несколько аккордов из песни «Встретимся в Сент-Луисе»), и я уверена, что разговор с ними принесет массу удовольствия. Еще вы услышите старых знакомых – Руби Робинсон и Беатрис, Слепую Пташку Певчую, которая споеет... что?.. «Я люблю человека с Луны». Кроме этого, в нашем музыкальном меню на сегодня сестры Гуднайт, которые обещали заскочить чуть позже и спеть в честь заезжего гостя песенку под названием «Мой милый попал на корабль». Они говорят, что песня грустная, но ничего другого со словом «корабль» они не исполняют.

Прежде чем приступить к интервью, хочу передать огромное спасибо моему новому спонсору, детскому питанию «Верна Клэпп», и чуть позже мы поговорим об этом поподробней. Кстати, если вам невдомек, что это за звуки, не беспокойтесь, это не ваше радио барахлит. Фокстерьер Бедняжки Тот снова подгуляла, и звуки эти доносятся из коробки с дюжиной щенков – самых, причем, симпатичных в мире, правда, мистер Корабель? Он кивнул.

Мама Смит сыграла первую строчку песни «Сколько стоит та собачка на окне?», и Дороти засмеялась:

– Вообще-то Тот отдает их совершенно даром, главное – в добрые руки. Она говорит, здесь пять мальчиков и семь девочек, но это еще требует проверки. Мы знаем, кто их мать, но насчет отца Тот не имеет ни малейшего представления. Мне лично кажется, что к этому причастен эрдель, что живет неподалеку, так что приходите и выбирайте себе друга.

А еще, пока не забыла, хочу сказать, как мы благодарны за ваши отзывы на сборник рецептов сладких блюд. Миссис Френсис Клевердон из Ардена, штат Оклахома, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

Я считаю вашу идею сборника рецептов сладких блюд замечательной и с удовольствием ставлю ее в один ряд с несельдорским пудингом.

Спасибо, Френсис. И я вижу, у нас сегодня есть несколько предложений на обмен. Миссис Ирен Нефф из Элктона спрашивает в письме, нет ли у кого красно-коричневых мужских тапочек шестого размера с черной индийской вышивкой и не хочет ли он обменять их (или хотя бы одну левую) на четыре чайные салфетки. А еще миссис Клодия Грэм из Блю-Спрингса ищет пудру «Леди Эстер». Ей нужна коробка, а не сама пудра, и в обмен она предлагает бутылочку от духов «Вечер в Париже». Но прежде чем мы перейдем к интервью

и песням, надо объявить победителя конкурса «Ваше самое смешное происшествие». И так...

Мама Смит изобразила фанфары.

Дорогая Соседка Дороти,

Однажды я терла свою раковину на кухне, но чище она не становилась. И вот заходит моя дочь и спрашивает, зачем я сыплю сухой пармезан в раковину. На следующий день муж повел меня к окулисту.

Подписано: «*Миссис Мина Флит из Маунт-Стерлинг, штат Кентукки*».

Мои поздравления! Вы выиграли пятифунтовый пакет муки «Голден флейк», – муки, из которой получают такие печенья, что вся семья кричит: «Вкуснота!» Я прекрасно вас понимаю, Мина: сама никак не выберусь за очками. Ну хорошо, о чем мне еще нужно сегодня не забыть? Ах да. Джеймс Хутен закончил с домом Уотлесов и свободен. Он приглашает: краски ваши – работа моя, звоните. Что еще? Что? А-а, Мама Смит говорит, я забыла задать вопрос недели. Простите, девочки, понедельник – день тяжелый, наверное, я тарачу как сорока, но столько всего произошло! Так, где же вопрос? Был же где-то.

Тут в холле раздался телефонный звонок.

– А-а, вот он, нашла. «Какая ваша любимая кухонная утварь и почему?» Разве мы его уже не задавали, Мама Смит? Она говорит – нет, значит, и впрямь не задавали. А

тому, кто звонит мне сейчас по телефону, придется перезвонить через полчаса, я в эфире. Звоните после десяти. (Телефон замолчал.) Простите, девочки, я на минутку.

Дороти прикрыла рукой микрофон:

– Бобби! А ну положи на место!

На веранду поднялся человек, перегнулся через подоконник в гостиной и вручил Дороти записку, которую она тут же прочитала в микрофон:

– Мерл сообщает: «Если в субботу пойдет дождь, пикник Клуба Лосей будет перенесен в Зал собраний Американского легиона, через дорогу». Хорошо. Спасибо, Мерл, но давайте надеяться, что дождя не будет. Следующий номер программы – интервью с нашим знаменитым автором из далекого Нью-Йорка, который расскажет нам все о своей новой книге, и я уверена, вам это будет интересно.

Дороти дотянулась до бумажки, приклеенной скотчем – чтобы не забыть – к коробке блинной муки «Голден флейк», стоящей на столе.

– Кстати, коли уж разговор о книге, вот для вас интересный факт, мистер Корабель. Вы знали, что некая миссис Патриция Леннон из Сент-Поля, штат Миннесота, прибираясь на чердаке, наткнулась на библиотечную книгу, просроченную на двадцать три года? Сумма библиотечного штрафа за невозврат составила около трех тысяч долларов. Название книги? «Как улучшить память». Так что смотрите возвращайте книги вовремя. Но, прежде чем передать микрофон

мистеру Корабелю, позвольте вас спросить: вы никогда не мечтали о путешествии к югу от границы, в сторону Мексики? – Соседка Дороти кивнула Маме Смит, и та немедленно изобразила мексиканскую мелодию. – Люди из «Ниблетс» уверяют: скука убивает, пряность оживляет. Да здравствует новый «Ниблетс Мексикорн»! Цельнозерновая кукуруза, смешанная с красным и зеленым перцем. Теперь вы сможете устроить настоящий мексиканский праздник прямо в собственной кухне, и вся ваша семья будет кричать «Оле!».

Мистер Корабель, писатель, худощавый человек в галстук-бабочке, сидел на веранде, ошеломленный, в плетеном кресле – в руке печенье, на колени взгромоздился большой кокер-спаниель, а вокруг, терзая взбивалку для яиц, носится мальчишка. Отдыхавшие на веранде восемь человек внезапно вскочили, подхватили чемоданы и кинулись к просигналившему автобусу до Грейхаунда, а один из щенков, опровергая поговорку «милый как щеночек», вылез из картонной коробки и принялся с аппетитом жевать шнурок писательского ботинка.

Несколько детей не старше шести из детского сада, организованного на заднем крыльце дома, то и дело заскакивали за печеньем или потискать щенков, а из-за угла дома выглядывали две девчонки-подростка и, хихикая, таращились на него. Внезапно мимо прошествовали две одинаково одетые женщины средних лет – это были Ада и Бесс Гуднайт. Они сели перед микрофоном и превосходно исполнили жуткую

песню об утонувшем «Титанике», радостно кивая писателю, улыбаясь и помахивая руками. Он через силу кивал в ответ и криво улыбался, не понимая, какого черта он тут делает и о чем думали издатели, посылая его в этот дурдом. Пересечь всю страну, оказаться невесть где – зачем? А они так расписывали, что эта, как ее, Соседка Дороти продала через свою программу больше книг, чем весь Средний Запад. Но теперь, глядя на непримечательную пампушку-домохозяйку, сидевшую за столом, на котором громоздились ворохи бумаг, горшки с цветами, зеленый керамический кот и аквариум с золотой рыбкой, писатель Мило Корабель с трудом в это верил.

Спустя двадцать девять минут, одно интервью и три рецепта Дороти подняла глаза и произнесла:

– Ох уж эти строгие старинные часы на стене... Я вижу, время истекло. Так приятно каждое утро сидеть и болтать с вами, потягивая кофеек. Пообщаешься с друзьями – и так хорошо на душе. А когда я заглядываю в почтовый ящик и вижу, сколько писем от вас пришло, я чувствую себя миллионером, так что знайте: я буду по вам скучать до следующей встречи. Возвращайтесь завтра, хорошо? Соседка Дороти и Мама Смит желают вам хорошего дня, дорогие!

На отдаленной ферме Элнер Шимфисл встала, выключила радио, выплеснула в раковину остатки кофе. Лучше бы Соседка Дороти раздавала котят, а не щенков. Уилл обещал,

что в следующий раз, как она станет предлагать котиков, они поедут в город и возьмут одного. Элнер приколола сегодняшней рецепт к остальным и записала название книжки того человека, что был в передаче. Она была не ахти какой читательницей, но эта книжка вроде ничего. И день потек дальше. Но у Элнер было такое радостное чувство, словно в гости заглянула подруга.

Что же до мистера Корабеля, он понятия не имел, как ему повезло, что Соседка Дороти согласилась пригласить его на передачу. Огромное число ее слушателей из пяти штатов, если не больше, знали, что она никогда ничего не станет рекламировать зазря. И были совершенно уверены, что если книга понравилась Соседке Дороти, то им она тоже должна понравиться.

Через три недели мистер Корабель сидел в офисе своего издателя, а все вокруг наперебой повторяли: «Я же тебе говорил». Пришлось ему признать, что поездка на Средний Запад была не такой уж глупой затеей и напрасно он, значит, так громко возмущался по возвращении в большой город. К его удивлению, роман «На вершине холма под дождем» вдруг подскочил до третьего места в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», куда автора прежде ни разу в жизни не заносило. Кто бы ожидал! Но не один мистер Корабель удивлялся Соседке Дороти. Оказывается, эта женщина многое могла изменить – и сейчас, и годы спустя.

Гуднайты

Хотя мистер Мило Корабель и решил, что сестры Гуднайт, которые пели и жестикулировали в унисон, несколько не в себе, горожане, знавшие их всю свою жизнь, не находили в близнецах ничего странного.

Разумеется, когда они родились, это вызвало немалый фурор. Близнецы были редкостью, и народ со всей округи приезжал полюбопытствовать. Их мать, Хейзел Гуднайт, в то время начальница почтового отделения, выставляла их на обозрение всем желающим в задней комнате почтамта, пока им не исполнилось по пять лет.

Хейзел утверждала, что они однояйцевые близнецы, и одевала их соответственно, но это было не так. Ада, родившаяся на полторы минуты раньше, платья носила на размер больше и всегда была на десять фунтов тяжелее Бесс, но чтобы доставить удовольствие матери, они продолжали носить одинаковое – и одежду, и прически: завивали короткие волосы в мелкие завитушки и в парикмахерскую приходили в один день. Две добродушные, дружелюбные сестрички слыли в городе юмористками. Спрашиваешь, к примеру, одну – ответит другая. Они были настолько близки, что заканчивали друг за друга фразы. После нападения на Перл-Харбор Ада, которая всегда была храбрее сестры, приняла случившееся как личное оскорбление и на следующий день

всех удивила. Она поклялась всеми силами помогать «стереть япошек с лица земли» и собрала чемодан. В эту клятву поверило большинство горожан, ведь в 1936-м Ада вывела женскую команду по софтболу в чемпионат штата. Ада имела некоторое представление о самолетах, поскольку встречалась с Верном Саттлом, пилотом кукурузника, и потому записалась на программу подготовки летчиц ВВС США. Занятия проходили на Поле мести в Суитуотер, Техас. Подготовка была жесткой, многие выбыли. Аде приходилось несладко, но в письме домой она пожаловалась только на две вещи: слишком мало мужчин и слишком много насекомых.

Когда Ада поступила на военную службу, ее сестра Бесс развернула боевые действия на домашнем фронте. Она приняла на себя обязанности начальника офиса телеграфа «Вестерн юнион» в центре города, кроме того, стала добровольцем Красного Креста и все свободное время помогала раздавать еду на железнодорожной станции. Вскоре после начала войны Соседка Дороти организовала женский комитет по приему воинских эшелонов, проходящих через Элмвуд-Спрингс, чтобы их встречали горячим кофе, пирожками и домашним печеньем. Большинство солдат были просто напуганными мальчишками, старались храбриться, но все равно бросали в окна бумажки со своим именем и адресом в надежде, что какая-нибудь девушка станет писать им письма. В конце войны Элмвуд-Спрингс гордился тем, что ни один мальчик, бросивший в окно поезда такую бумажку, не

остался без ответа. Всю войну девушки по вечерам часами отвечали на письма. С утра, накрасив губы помадой, они помечали конверты большим красным поцелуем. Сотни коробок с печеньем, пряниками, конфетами и вязаными носками были отправлены за море. В обязанности Бобби и Монро входило бегать по всему городу, собирать письма и приносить в почтовое отделение, чтобы отправить их с первой почтой. Мак Уоррен, симпатичный светловолосый парнишка, слишком юный для военной службы, был недоволен, что его девушка, Норма, пишет такому количеству солдат, однако молчал. Непатриотично ревновать к воинам. Солдаты, не успевшие до войны обзавестись своей девушкой, просили прислать карточку. В результате фотографии Анны Ли, Нормы, Петси Мэри и прочих девочек побывали в сражениях на другом конце света, радуя незнакомых ребят. За эти годы солдаты, которым редко писали из дому, крепко сдружились с подругами по переписке из Элмвуд-Спрингса. Но не все писавшие были молодыми девушками. Бесс Гуднайт, замужняя тридцатилетняя женщина, писала восемнадцати солдатам и подписывалась: «С любовью, Бесс Гуднайт». Всем своим мальчикам она послала фото Риты Хейворт. После войны несколько ребят приехали познакомиться с той, чьи письма так поддержали их в трудные годы. Все войны сводят людей, которые иначе могли бы не встретиться. Например, Ада Гуднайт, получив в 1943-м крылышки на погоны, поехала на выходные в Нью-Йорк и столкнулась там со знаменитостью

– с настоящей голливудской звездой.

В тот вечер Ада вместе с девушками из ее эскадрильи отправились в город и оказались в одном известном ночном клубе, где ее пригласили танцевать.

Потом она рассказывала:

– В клубе «Эль Морокко» я танцевала румбу с кинозвездой и даже не догадалась. Симпатичный невысокий парнишка пригласил меня на танец и, когда я встала, схватил за руку и давай крутить. Дергал, швырял туда-сюда, мотал по всему залу, потом я наконец вернулась на место отдышаться, и тут – представляешь, Анна, – человек за соседним столиком и говорит: «Вы, может, не в курсе, девушка, но вы плясали румбу с мистером Джорджем Рафтом!» Какой дурой я себя почувствовала! Не только Джорджа Рафта не признала, но даже не поняла, что румбу танцевала!

После этого у Ады было много волнующих и опасных приключений. В обязанности ее эскадрильи входило летать над артиллерийским стрельбищем с длинной мишенью из белого шелка, чтобы наши солдаты могли упражняться в стрельбе по вражеским самолетам. Некоторые не слишком опытные снайперы нередко промахивались. Ада писала Бесс: «В меня столько раз попадали, что хвост самолета напоминает швейцарский сыр».

Жизнь родного города протекала, может, не столь ярко и опасно, как жизнь Ады, но все были сосредоточены на победе. Соседка Дороти подкорректировала свои радиорецеп-

ты, убрав из них вовсе или уменьшив количество дефицитных продуктов – сахара и жира, масла и мяса. Повсюду разбивали «огороды победы»⁴, а Док Смит был уполномоченным по гражданской обороне. Несколько раз они репетировали светомаскировку с отключением электричества, хотя мало кто по-настоящему верил, что японцы или немцы изменят запланированные маршруты ради того, чтобы атаковать Элмвуд-Спрингс. Но даже если не брать во внимание слабую угрозу авианалетов, годы войны, как и везде, принесли городу несчастья и перемены. В 1942-м футбольная команда выпускников школы Элмвуд-Спрингса после выпускного бала целиком записалась в добровольцы, и вернулись не все. Нордстромы, хозяева пекарни, потеряли своего мальчика Джина в битве при Иводзиме в 1944-м, несколько ребят из окрестных ферм тоже погибли. Некоторые женщины и девушки постарше, кто подался на заработки в большие города, вернулись с амбициями и другим отношением к жизни. Ада Гуднайт сказала сестрам, что коли она смогла летать, значит, для женщин нет предела возможностей, – и доказала это. Она привезла домой мужа и гордо представила его всему городу, а вскоре открыла собственную летную школу. Парни возвращались с войны посерьезневшими. Но даже те, кто остался дома, повзрослели слишком быстро, и Анна Ли не была исключением.

⁴ Во время обеих мировых войн федеральное правительство призывало всех американцев обзавестись личным огородом.

В том возрасте, когда ей полагалось только бегать на танцульки, наряжаться и веселиться, она получила письмо.

24 октября 1945

Йоркшир, Англия

Дорогая мисс Смит,

С сожалением сообщаю, что Ваш друг, рядовой 1-го класса Гарри Кроуфорд, Армия США, сегодня утром скончался в госпитале от полученных ран.

Хотя я знала его не так долго, могу сказать, что он был славный парень и до самого конца служил примером храбрости и достоинства.

Если это принесет хоть малейшее утешение, знайте, что Ваши письма и фотокарточка доставляли ему радость вплоть до последнего дня. Поскольку я лично читала их Гарри, я решила написать Вам и вернуть письма и фото, а также принести глубочайшие соболезнования.

Глинис Нил, медсестра,

Госпиталь ветеранов

Мать пыталась ее успокоить, но впустую, оставалось только сидеть и слушать всхлипывания Анны Ли.

– Ох, мама, мне так стыдно, я не ответила на его последнее письмо. Подумала – раз война закончилась, это уже неважно,

напишу я или нет... А теперь поздно. Мне так плохо. Хочется умереть.

Вскоре после этого Анна Ли торжественно заявила семье, что приняла решение никогда не выходить замуж и посвятить свою жизнь работе медсестры. Мать ей сказала:

– Дорогая моя, это прекрасно, но давай подождем до окончания школы, а там будет видно.

Дороти и вправду не возражала. Как говаривала ее соседка, медсестра Руби Робинсон, «сестринское дело – хорошая, надежная профессия». Просто Дороти не была уверена, что Анна Ли не изменит своего мнения. В прошлом году Анна Ли объявила, что станет профессиональным конькобежцем и будет путешествовать по всему миру. Довольно странное решение для особы, которая ни разу в жизни даже близко не подходила к ледовой дорожке. Мама Смит тогда заметила, что девочка, видимо, пересмотрела фильмов с Соней Хени⁵.

⁵ Легендарная норвежская фигуристка, единственная трехкратная олимпийская чемпионка в женском одиночном катании.

Пташка Певчая

После войны народонаселение в городе почти не изменилось – появились лишь муж Ады Гуднайт и Марион с ребенком, невестка Нордстромов, которые поселились в их доме. Беатрис Вудс, известная своим радиопоклонникам как Слепая Пташка Певчая, переехала в Элмвуд-Спрингс весной 1945-го. Официально она была постоялицей Руби и Джона Робинсон и платила за комнату, однако приходилась Руби дальней родственницей. И для всего Элмвуд-Спрингса ее приезд был огромной удачей. Как сказала Соседка Дороти, «все оказались в нужном месте в нужное время».

Нужным местом в этом конкретном случае послужили похороны миссис Лилиан Спротт, старшей сестры Руби. Руби с Джоном поехали прощаться с ней во Франклин, штат Теннесси. Беатрис Вудс, племянницу Лилиан по линии мужа, попросили спеть на похоронах. В то время Беатрис с отцом жили на маленькой ферме за городом.

Слепая с рождения, Беатрис провела девятнадцать лет своей жизни практически не выходя из дому. Радиоприемник «Филко» был ее единственным окошком в мир. Кроме церкви по выходным да редких прогулок она проводила дни наедине с приемником и выучила много мелодий.

С того момента, когда она впервые спела в церкви, слава ее стала расти и быстро разлетелась по округе. Люди издале-

ка приезжали послушать слепую девушку с голосом ангела. Однажды в воскресенье заезжий священник был растроган до слез красотой ее высокого, чистого, почти неземного голоса и сказал, что девочка поет, как певчая птица на рассвете. С тех пор ее называли не иначе как Слепая Пташка Певчая из Теннесси.

В день похорон Лилиан Спротт, когда священник подал знак, отец Беатрис провел дочку в белом платье по проходу, усадил на стул и положил ей на колени цитру. Она спела старинный церковный гимн «Кто-то ждет меня там, наверху» и закончила службу песней «Будет покой в долине».

Когда она умолкла, в церкви не осталось ни одной пары сухих глаз. Женщина, почти не знакомая с усопшей, заметила, что старую Лилиан сегодня наверняка будут воспевать на небесах, заслужила она того или нет. Джон Робинсон шепнул Руби, что надо отвезти Беатрис спеть в программе Соседки Дороти. Дороти всегда искала таланты. Отец спросил Беатрис, хочет ли она поехать. Она не задумываясь сказала «да» и через два дня спела по радио песню «Всегда».

Заезжие артисты в передаче были делом привычным. За годы работы в эфире Дороти представила слушателям многих певцов. Всего неделю назад двенадцатилетний Ян Барнард, которого называли не иначе как Удивительный Танцующий и Поющий Мальчик из Уиндзора, прибыл из самой Канады и устроил бум, танцуя чечетку под песню «Если бы вы знали Сузи». Но никогда раньше после единственного вы-

ступления не было такого широкого отклика, как после появления в эфире Беатрис Вудс. Звонки и письма затопили радиостудию, все хотели еще раз услышать Слепую Пташку Певчую из Теннесси. И в следующий раз Беатрис спела «Старого пастуха», песню про собаку. Каждый, кто пережил смерть своего любимца, и даже те, кто не пережил, плакали, включая Соседку Дороти, которая выбежала из гостиной, а когда вернулась, с трудом закончила эфир. В магазине инструментов помогавший отцу пятнадцатилетний Мак Уоррен так затосковал по своей собаке Тесс, что наревел себе температуру, и пришлось отправить его домой. Пташка стала настоящей звездой, и Дороти попросила ее появляться в передаче каждую неделю, а компания «Мука Голден флейк – легче перышка» согласилась оплачивать ей пансион. Отец отвез ее обратно в Элмвуд-Спрингс, на этот раз прихватив ее одежду и радиоприемник. Оказалось, Беатрис знает сотни песен и может петь все что угодно: гимны, популярные песенки, госпел, кантри – только назови. Очень скоро ее завалили заявками, и она стала выступать в передаче каждый день. Раз теперь она жила в Миссури, слова «из Теннесси» откололись от ее сценического псевдонима, и она осталась просто Слепой Пташкой Певчей. Ходить ей особо было некуда, поскольку Руби с Джоном жили по соседству со Смитами. Док протянул веревку от задней двери их дома к своей веранде, и теперь Беатрис без труда находила дорогу туда и обратно. Это отлично работало, если не было дождя. В об-

ратном случае ей было велено дожидаться на заднем крыльце, чтобы кто-то пришел и отвел ее.

Тайна

Бобби первым узнал тайну Беатрис. Одним дождливым утром Дороти выглянула в окно кухни. Увидев, что дождь и не думает прекращаться, она велела привести Беатрис. Бобби доел завтрак, сказал «о'кей» и направился к двери, но был остановлен:

– Бобби, возьми зонт.

Бобби застонал. Не потому что не хотел идти за Беатрис – нет, она ему нравилась. Не нравился ему зонт. Ворча под нос, он открыл стенной шкаф в прихожей, с трудом раздвинул тяжелые зимние пальто и извлек на свет огромный черный зонтище, к которому питал ненависть, и, похоже, взаимную. Помимо того что костлявое создание было с него ростом, оно еще обладало гнусным, злобным характером и на все имело свое мнение. Одна спица вечно выскакивала, и пока ее поставишь на место, вылетят еще три-четыре. Другая проблема состояла в том, чтобы выдворить зверюгу за дверь, не свалившись при этом со ступенек. Мама Смит запрещала раскрывать зонт в доме: дурная примета, но пока откроешь его под дождем, вымокнешь до нитки, и какой тогда в нем смысл.

Бобби отволокнул чудовище к задней двери, надавил изо всех сил, зонт раскрылся, одна вреднючая спица, как всегда, торчала оголенной шпагой. Ну и шут с ней, решил Бобби и про-

тиснулся в дверь. Беатрис, готовая к выходу, ждала – в желтом дождевике, резиновой шляпке и галошах, без которых Сестра Руби не выпускала ее, хотя ходу здесь две минуты. Беатрис поздоровалась прежде, чем он открыл дверь с москитной сеткой:

– Привет, Бобби.

Она узнала его по тому, с какой скоростью он взлетел по ступеням.

Они шли рука об руку и болтали.

– Что сегодня будешь петь, Беатрис?

– Пока не знаю. А чего бы ты хотел?

Бобби задумался. Они огибали большую лужу.

– Как насчет «Холодная, холодная вода»? – Бобби всегда начинал с ковбойских песен. – Или, может, «Апрельские дожди»?

Беатрис кивнула:

– Обе хороши.

Мама Смит ждала их в конце пути и открыла дверь.

– Погодка что надо, верно? Заходи и давай-ка снимем с тебя эту мокрятину.

Беатрис нравилось каждое утро приходиться к Смитам. Это был для нее настоящий праздник – с запахом теплого, свежее испеченного печенья, гомоном снующих туда-сюда людей и целым автобусом фанатов, приехавших на передачу. Полная противоположность тишине комнат, где она проводила большую часть времени.

В доме Робинсонов, где царил страх Сестры Руби перед всякими вирусами («Нет в природе такой заразы, которую я не смогу убить!»), всегда витал запах дезинфекции. После передачи Беатрис обычно оставалась обедать и возвращалась после полудня. В тот день дождь так и лил не переставая, и, чтобы проводить Беатрис, Бобби был вызван с чердака, где его танк, подозрительно похожий на большую спичечную коробку, косил армию глиняных солдатиков. Когда они выходили, Беатрис услышала, как Бобби бормочет, сражаясь с зонтом, и шепнула:

– Брось его, Бобби. Пойдем так.

У Бобби загорелись глаза.

– А промокнуть не боишься?

– Нет. Тебе не кажется, что гулять под дождем гораздо веселее?

– Ага!

Она сдернула свою непромокаемую шляпу и сунула в карман:

– Идем!

Через десять минут Бобби и Беатрис бегали взад-вперед по улице, шлепали босиком по всем встречным лужам. И тут Руби Робинсон, только что вернувшаяся с работы, выглянула в окно и узрела их чуть ли не в квартале от дома. Она выскочила на веранду и завопила, чтоб они немедленно шли домой. Ее беспокойство носило чисто медицинский характер: она чувствовала себя ответственной за здоровье квартирантки.

Оба проказника промокли до нитки. Когда они поднялись на крыльцо, Руби была вне себя.

– Ну, знаете ли, слыхала я о людях, которым хватает глупости гулять под дождем, но собственными глазами вижу такое впервые. Бобби Смит, уж от тебя-то я не ожидала. Подумать только, потащил бедную слепую девочку мокнуть под ливнем.

Беатрис вступилась за Бобби:

– Он не виноват. Я сама захотела погулять.

Сестра Руби смотрела на Бобби, с которого уже порядком натекло на ее коврик у двери. Переставив его на газету, она сказала с некоторым скепсисом:

– Сама или не сама – какая будет разница, когда вы оба помрете от воспаления легких? Не стыдно – подвергать себя риску ради глупой забавы? Удивлюсь, если вы переживете эту неделю.

Несмотря на ее зловещие предсказания, никто не заболел – ни кашля, ни чиха. Какое разочарование для Сестры Руби, которая вела температурный дневник всю неделю. На седьмой день, не выявив ни малейшего симптома простуды, она сдалась. Поднеся термометр к свету и снова увидев 36,6, она сказала:

– Ладно, но знайте – на сей раз вам просто повезло.

Вечером того же дня она говорила Дороти:

– Представь, если бы девочка слегла от пневмонии и отдала концы, живя под одной крышей с дипломированной мед-

сестрой, что бы люди подумали? В конце концов, я отвечаю за здоровье всего общества и отношусь к этому серьезно.

Соседка Дороти сказала:

– Я знаю, и все это ценят, просто...

Руби не слушала.

– Беатрис восприняла происшествие легкомысленно, ей-то что, а мне, между прочим, нужно поддерживать репутацию медицинского работника. Как, скажите на милость, мне давать медицинские советы по радио, если моя собственная квартирантка окочурится прямо у меня на глазах?

Дороти старалась проявить сочувствие и такт.

– Руби, я знаю, как ты за нее беспокоишься, и это очень мило с твоей стороны, но тебе не кажется, что иногда ей нужно хоть немного свободы?

Руби фыркнула и закинула за плечо конец голубого капора.

– Свободы? Ну, Дороти, если подвергать здоровье риску ты называешь свободой, то нет, не кажется.

Убеждать Руби – дохлый номер, но Бобби с Беатрис считали так: меньше знаешь – крепче спишь. С этого дня Беатрис брали в разные секретные экспедиции, о которых Сестра Руби не догадывалась. То дикая поездка на тачке или путешествие в Блю-Спрингс на мотоцикле приятеля Анны Ли, то прогулка галопом на спине старого мула, которого где-то одолжил Монро, то катание со снежной горки на сплюсненной картонной коробке.

Застукали их всего однажды. Некий доброжелатель поведал Руби:

– Кстати, я видел нынче вашу квартирантку Беатрис на ярмарке, они с Бобби Смитом катались на американских горках и вопили во все горло.

Информация оказалась достаточно серьезной, чтобы Руби надела не только официальную медсестринскую шапочку, но и капор, и немедленно отправилась к дому Смитов жаловаться. Даже Дороти была немного озадачена, представив слепую девушку на американских горках.

– А если бы она вывалилась и сломала себе шею? – распекала она потом Бобби.

Бобби оставалось только благодарить небо, что Сестре Руби не доложили о других аттракционах, на которых они с Беатрис в тот день отрывались: Петля, Удар молнии, Хлыст, Дикая мышь, Гусеница и электромобили с бампером. Особенно на последнем было круто. Что Бобби вытворял! Они оба могли пострадать. Он выжимал из машины максимальную скорость, врезался во всех подряд, носился по площадке как ненормальный, голубые электрические искры у них над головой так и брызгали во все стороны. И Монро – демон скорости – в ответ нападал беспощадно и яростно. Не говоря уж о том, что Лютер Григгз так крепко врезался в них сзади, что они оба едва не вылетели из машины. Но Беатрис понравилось все. В конце она воскликнула:

– Ой, Бобби, давай повторим!

И они повторили. Даже дважды.

Этим летом Бобби раскрыл ее тайну. Тайну, о которой люди ни в жизнь бы не догадались, глядя на эту милую, спокойную девушку, почти небожительницу. Беатрис Вудс была с дичинкой. Она мечтала о романтике и приключениях. И больше всего на свете любила скорость.

Анна Ли

Сестра Бобби и две ее лучшие подруги, Норма и Петси Мэри, росли вместе. Отец Нормы управлял единственным в городе банком. Родители Петси Мэри, Мерл и Вербена, заведовали химчисткой «Голубая лента». Петси Мэри была из их троицы самой успевающей ученицей, но далеко не красоткой. Как выразилась ее тетка, «у бедняжки на лбу с шести лет написано, что коротать ей век старой девой, школьной училкой». Но Петси Мэри была славной девочкой. Все трое были славными, а мелкие огрехи можно списать на то, что сейчас они переживали фазу «мой киногерой».

Всякий раз, как в элмвудский кинотеатр привозили новую картину, они сидели на двенадцатом ряду в центре. Актеров любили разных. У Анны Ли в этом месяце предмет обожания стал Дан Эндрюс. Она заполнила гору альбомов его фотографиями, вырезанными из киножурналов. Петси Мэри на тот момент сходила с ума по Алану Ледду, только что сыгравшему в «Голубом георгине». Но выбор Нормы удивлял ее подруг. Ее любимой кинозвездой был никому не известный актер по имени Уильям Бендикс, совсем не красавчик и даже не симпатяга. На вопрос «Почему он?» Норма отвечала:

– В том-то и дело. Должен же по нему хоть кто-нибудь фанатеть.

Однако школа близилась к концу, они сосредоточились на предстоящем выпускном, и страдания по звездам экрана отошли на второй план. Норма пойдет на бал, разумеется, с Маком, Петси Мэри, как всегда, со своим кузеном. Анна Ли единственная пока никому не дала согласия. Их больше волновал вопрос, что надеть. Все как одна старшеклассницы требовали купить им выпускное платье в магазине, ведь надеть бальное платье домашнего пошива все равно что написать на лбу огромную красную букву «Д». У Соседки Дороти в серванте лежал диплом модельера, и она считалась одной из лучших портних в штате, однако понимала, что делать нечего – придется отпустить Анну Ли вместе с подружками в универмаг «Морган бразерс» – выбрать готовое платье. Это будет втрое дороже, чем сшить самой, но ее дочь или получит магазинное, или умрет от унижения. По крайней мере, так она выразилась.

Еще в универмаге «Морган бразерс» работала удивительная продавщица, миссис Марион Нордстром, заведующая «Отделом лучших платьев». Если миссис Нордстром поможет тебе с выбором, ты точно не ударишь в грязь лицом. Все девчонки в компании Анны Ли считали эту даму самой изысканной женщиной в мире. Высокая и отчужденная, всегда безукоризненно одетая по последней моде, она была их идеалом. Военная вдова Марион приехала из самого Сан-Франциско, Калифорния, и привезла с собой гардероб, ставший предметом постоянного обсуждения в среде стар-

шеклассниц.

– Она каждый день в разном, – говорили они восхищенно.

После школы Анна Ли и Петси Мэри шли в универмаг будто бы за покупками, а на самом деле – чтобы увидеть сегодняшний наряд миссис Нордстром.

Анна Ли даже высокую прическу с нее копировала. Прическу слишком взрослую – считала Дороти – для девочки, которая до сих пор носит белые носки и кеды, но Анне Ли это казалось верхом утонченности. Но Дороти переживала из-за другого – дочь может вырасти немного избалованной. В каждой школе есть одна девочка, по которой все мальчишки сходят с ума. Анна Ли с первого класса как раз такой девочкой и была.

Из представителей мужского населения ее чары не действовали только на Бобби. Он изводил сестру и мучил при всяком удобном случае. Она же в ответ ябедничала, и, поскольку была старше, верили, конечно, ей, а не ему. Так что Бобби не был рад, что Анна Ли появилась на свет шестью годами раньше, чем он, – факт, о котором она напоминала при каждом удобном случае. Бобби ненавидел, когда на семейных посиделках все начинали вспоминать события, случившиеся до его рождения. Снова и снова он спрашивал: «А где был я?» Мать отвечала: «Тебя еще не было», на что сестра вздыхала: «Старое доброе время. Тогда я еще была единственным ребенком в семье» – или другую какую гадость придумает.

Бобби, как ни старался, не мог представить мир без себя. Это совершенно сбивало с толку. Где он был? Что делал? Однажды, привязанный к дому, оттого что Лютер Григгз караулил поблизости, чтобы снова его поколотить, он воспользовался случаем и ходил за матерью по кухне, задавая все те же вопросы.

– Но если меня здесь не было, где я был?

– Ты еще не родился, – отвечала она, нарезаая картошку.

– Ну а *до рождения* где я был?

– Ты был искоркой в папином глазу, как говорится. Подай, пожалуйста, масло.

– Когда я родился, я уже был собой или сначала родился, а потом стал?

– Всегда был.

Он протянул ей тарелку с маслом.

– А если бы я родился в Китае, я все равно был бы собой – или китайцем?

– Ох, Бобби, лучше бы ты не спрашивал меня о таких глупостях. Я только знаю, что ты – частичка меня и папы и что ты такой, каким тебе суждено быть.

– Да, но если бы ты не вышла замуж за папу, что тогда?

– Не знаю, – сказала она, обмазывая стеклянную форму маслом. – Могу только сказать, что ты появился в то время и в том месте, как было задумано, и что я тебя загадала.

– Правда? – удивился Бобби. – Типа как на куриной косточке?

– Вроде того.

– А что говорила, когда загадывала?

– Что хочу мальчика с карими глазами и темными волосами, точно такого, как ты, – и вот ты здесь. Так что ты – сбывшаяся мечта.

– Ух ты! – Бобби с минуту обдумывал, потом сказал: – А вдруг тебе не тот мальчик достался, почему ты так уверена?

– Потому что, не забывай, там, наверху, кое-кто есть. И ему виднее.

Дороти включила духовку, вынула сыр из холодильника, а Бобби все ходил за ней хвостиком.

– А вот если Бог перепутал? Что, если я родился не в том году или даже не в той стране?

– Он не ошибается.

– А вдруг все же ошибся?

– Не ошибся.

– Ну просто представь: все же *ошибся*. И что тогда?

Дороти поставила форму в духовку, вымыла руки. А Бобби стоял сзади и ждал. Вытерев руки полотенцем, она повернулась и посмотрела на него:

– А что, Бобби, ты бы хотел родиться в другой семье, не у нас?

Бобби с невинным видом моментально пошел на попятный:

– Нет, я просто... интересовался.

И тут же вспомнил, что не полил папиных червей для ры-

балки. Папа разводил их в саду, в «червятнике».

Вообще-то он не был до конца откровенен с матерью. Иногда по ночам он фантазировал, что однажды к ним в дверь постучат и скажут:

– Мы прибыли за мальчиком.

И тогда его родители признаются, кто он на самом деле. Что он полноправный принц Англии, что его отдали на воспитание, пока ему не исполнится двенадцать. Потом он поедет по улицам в карете, а народ будет кланяться и шептать: «Это юный принц». Все учителя из их школы будут кланяться. Вот он подъезжает к дому, а на веранде стоят родители и бабушка, и все кланяются. Он поскорей махнет им, чтоб разогнулись, и тут Анна Ли подбежит к карете и падет к его ногам в слезах.

– Простите меня за все, ваше величество. Я не знала, кто вы. Простите, простите!

– Ты... прощена, – скажет он и красиво взмахнет рукой.

Он будет великодушным, всепрощающим правителем – со всеми, кроме Лютера Григгза. Его он арестует и проведет по городу в цепях, а Лютер будет рыдать и тщетно молить о пощаде. Вот он, момент чистой радости.

В другие дни Бобби представлял себя сыном Роя Роджерса и Дэйл Эванс, похищенным при рождении, и вот его наконец нашли и устроили парад на Мэйн-стрит, и он сидит верхом на лошади вместе с Роем, и его новый отец приподнимает ковбойскую шляпу, приветствуя толпу. Дейл и Габби Хэйз

скачут рядом. Он поедет жить к ним на ранчо и возьмет с собой элмвуд-спрингскую семью. Днем будет объезжать скот, а вечерами сидеть у костра, слушая ковбойские песни в исполнении группы «Сыновья пионеров», и все они будут жить счастливо до конца своих дней. «Счастливых дорог тебе... и до встречи».

Но пока что (ненадолго, конечно) он был обычным Бобби Смитом. И увы, как и подозревала Анна Ли, он кое-что задумал.

Бобби нашел верный способ поквитаться с сестрой за предательство: она наябедничала маме, что он ездил в Блю-Спрингс. Его в наказание не пустили в субботу в кино на двойной сеанс, и он пропустил «Парни в седле» и «Облаву на дикую лошадь». Они с Монро много недель планировали месть и наметили провернуть дело перед выпускным.

Его мама и Бабушка Смит помогали в проведении праздника, а Док держал аптеку открытой допоздна, чтобы ребята могли поесть мороженого после торжества. У Джимми по вечерам в пятницу всегда покер с друзьями в Доме ветеранов. Так что весь дом остался в полном распоряжении Бобби и Монро, и они привели свой план в исполнение.

Когда дело было сделано, они затаились в комнате Бобби и стали ждать. Анна Ли вернулась домой последняя – вся сияющая, всплыла в розовом облаке в 23.29, за минуту до своего «комендантского часа». Весь вечер она танцевала под бумажными серебряными звездами и бело-голубыми баннера-

ми, свисающими с потолка спортзала. Танцевала она с Билли Нобблитом, похожим на Вана Джонсона, по крайней мере, так ей казалось. Она мечтательно разделась под звуки до сих пор не смолкающих в голове мелодий – «Это должен быть ты» и «Пятнышки и лунные лучи».

Юркнула в ночную рубашку, почистила зубы, осторожно сняла с корсажа приколотый цветок и положила в стакан с водой на комод. Забралась в постель, усталая и счастливая, и блаженно вытянулась... Но это блаженство длилось не дольше секунды.

Со скоростью пули она выскочила из-под одеяла, вопя во все горло:

– Змеи! Змеи!

Вбежала в комнату родителей с воплем:

– Спасите! Меня укусила змея!

И рухнула без сознания.

После того как Док и Дороти привели дочь в чувство и кое-как успокоили, после того как Мама Смит в сетке для волос и запахнутом халате объявила: «Если в доме рептилии, я не останусь», воцарился мир. Но ненадолго. Мама Смит отказывалась возвращаться в постель, пока Док не проверит комнату Анны Ли. Это не был ночной кошмар, как убеждали ее родители. У нее под одеялом извивалось около сотни склизких розовых червей – родом из «червятника» в саду, как быстро догадался папа.

– Не пойму, с чего она такой шум подняла. Это же без-

обидные червячки, – сказал Бобби, когда отец выудил его из-под кровати.

Но случилось непредвиденное и печальное: в ту самую секунду, когда папа открыл дверь его комнаты, Монро – верный кровный брат Монро – выскочил в окно и без остановки бежал до самого дома в пижаме, на спине которой красовался портрет благородного героя Хопалонга Кэссиди, грозы злодеев на Диком Западе. Предоставив Бобби одному держать ответ за содеянное.

Анна Ли страшно разозлилась и заявила, что Бобби для нее больше не существует. Она довольно долго с ним не разговаривала, пока однажды вдруг не забыла, случайно попросив принести с кухни молока.

Он расхохотался:

– Ха-ха-ха, я думал, ты со мной не разговариваешь. Сама сходи! – И выскочил на улицу.

Анна Ли с отвращением встала и, открывая в кухне холодильник, спросила мать:

– Хоть убей, не пойму, зачем вам понадобился второй ребенок? Почему вы не остановились на мне?

Дороти улыбнулась:

– Дорогая, мы вообще-то думали, что остановились.

Анна Ли глянула на мать с удивлением: об этом она слышала впервые.

– Что же произошло?

– Наверное, Господь решил даровать нам еще одного ан-

гелочка с небес.

– Меня сейчас стошнит, – сказала Анна Ли и вышла.

В дверях появилась Мама Смит.

– Что это с ней? – спросила она.

Дороти засмеялась:

– Хотела знать, зачем нам понадобился Бобби.

– И что ты ей наплела?

– Во всем обвинила Господа Бога.

– Чем не объяснение. Пресвитериане считают, что в мире все предопределено. По крайней мере, так говорит мать Нормы.

– Ида? Откуда ей-то знать, она методистка.

– Уже нет. На прошлой неделе она клялась, что пресвитерианка. Объявила это прямо посреди турнира по бриджу.

Дороти разбила три яйца в миску с синей полосой и принялась взбивать.

– Но вокруг на много миль нет ни одной пресвитерианской церкви. С чего это вдруг она заделалась пресвитерианкой?

Мама Смит налила себе чая со льдом.

– Наверное, считает, что это продвинет ее вверх по социальной лестнице.

– Ну... даже не знаю, что сказать. Лимон в холодильнике. Надеюсь, она будет счастлива.

Мама Смит дотянулась до холодильника.

– Я тоже надеюсь, но вряд ли, разве что Норма выйдет

за Рокфеллера. Тогда Ида наконец займет в обществе место, которого достойна.

Высшее общество

Мама Смит сказала правду. Если и было в Элмвуд-Спрингсе некое подобие высшего общества, мать Нормы стремилась как раз этим обществом быть. Ну еще бы, ведь муж Иды Дженкинс, Герберт, был городским банкиром, и потому Ида ощущала, что обладает некоторым положением, а его необходимо укреплять. В конце концов, ее общественный долг – устанавливать стандарты аристократического поведения. Освещать путь, так сказать. Подавать пример. Она была ответственна за все мелочи жизни, и ее непрестанные усилия нести людям культуру и красоту сводили с ума Норму и ее отца.

Хоть и проживала Ида в городке, который язык не поворачивается назвать городом, она подписывалась на все модные женские журналы, дабы идти в ногу со временем. В конце тридцатых годов она взялась произносить слово «модерн» как «модерне», дом свой называла «бунгало», а одежду – «платьем». Слово «интригующий» использовала к месту и не к месту, стриглась под Ину Клэр, звезду Бродвея, и вместо слова «плакать» старалась употреблять выражение «выплакать все глаза», а то и «обессилить от рыданий».

А еще Ида была клубной женщиной до мозга костей. Она была гранд-дамой в Национальной федерации женских клубов Миссури, возглавляла местный клуб садоводов, клуб

бриджа, клуб «Встречи по средам», книжный клуб и городской клуб театралов. И ее ни разу не видели на улице без шляпы и белых перчаток. А ели в доме исключительно заправив за ворот салфетку, что ждала сложенной корзинкой возле каждой тарелки, и на белой скатерти.

– Только дикари принимают пищу на голом столе, – утверждала Ида.

На шестнадцатый день рождения она подарила Норме новое, расширенное издание книги по этикету Эмили Пост, которую подписала таким наставлением:

Если бы это прочитал каждый человек, мир был бы избавлен от многих неприятностей.

С днем рождения!

С любовью,

мама

С экспертом по этикету Ида была «на короткой ноге» и частенько приговаривала:

– Интересно, как бы с этим справилась Эмили?

А порой начинала фразу со слов «Эмили говорит...».

Жизненной задачей Иды и, как она полагала, всей Америки было просвещение людей не только в Элмвуд-Спрингсе, но и во всем мире, покуда в самых отдаленных иглу на Северном полюсе и в темных, непролазных дебрях джунглей Борнео не запомнят, что вилка – слева, а свежие цветы на

столе радуют глаз, что чистый дом – счастливый дом; покуда все не признают, что повышать голос в гневе – грубо и неприемлемо ни при каких обстоятельствах.

Ида всегда говорила:

– Помни, Норма, в Америке аристократами становятся не по происхождению, а по поведению.

Судя по ее поведению, Ида уже считала себя герцогиней Кентской.

Норма любила мать, но жаловалась Анне Ли:

– Не представляешь, каково это – жить рядом с ней двадцать четыре часа в сутки. Тебе сказочно повезло, что у тебя твоя мама, а не моя.

Норма, как и Монро, старалась почаще оставаться на ночь у Смитов. У них всегда было полно народу, веселья и вкусной еды. А самое главное, в доме Соседки Дороти можно было сидеть в гостиной, чего Ида не позволяла Норме и ее отцу. Гостиную Иды только демонстрировали гостям, она называлась официальной комнатой. Настолько официальной, что туда никто не заходил с тех пор, как Ида обставила ее мебелью восемнадцать лет назад.

В одну из таких ночевок Норма помогла Анне Ли отомстить Бобби и Монро. Днем в субботу мальчики сидели в темной гостиной с закрытыми шторами и, поедая сэндвичи с арахисовым маслом и бананами, слушали по радио любимые страшные детективные истории. Уже прозвучали «Искренне

ваш», «Джонни доллар», «Бостон Блэки» и «Свистун», и как раз начиналась следующая.

Сначала раздались странные звуки, извлекаемые из фисгармонии, потом голос.

ЖЕНЩИНА. Он заходит... в аптеку. Становится на весы.

(Звук монеты, упавшей в щель автомата.)

ЖЕНЩИНА. Вес двести тридцать семь фунтов.

(Звук выскочившей из щели карты.)

ЖЕНЩИНА. Что вас ждет? Опасность!

(Скрежет струны.)

ЖЕНЩИНА. Ктооо тут?

МУЖЧИНА. Толстяк!!!

Как и было обещано, в программе этой недели подозрения и тайны не успевали сменять друг друга. К концу передачи мальчишки едва могли усидеть на стульях от страха. Вот в глухом закоулке загадочного человека в дождевике стали преследовать шаги: шур-шур... клик-кляк... ближе и ближе... громче и громче... некуда бежать... негде спрятаться... В тот самый миг, когда перепуганный герой с бьющимся сердцем обернулся и увидел своего жестокого убийцу, две фигуры в жутких резиновых масках, с зеленым свечением под подбородками выскочили из-за дивана с воплем: «ВАААА!»

От испуга парни взвились в воздух, завопили, как девчонки, и, сбивая друг друга с ног, перевернув кофейный столик и стулья, едва не выбив дверь, вылетели из комнаты.

На фонари были накручены зеленые отражатели, а маски остались с Хэллоуина. Прятаться и ждать подходящего момента пришлось весь вечер, но каждая минута ожидания оправдалась!

Победитель

– Всем доброго утра! Не могла дожждаться эфира, потому что, как поет Габриел Хитер, «Ах, нынче вечер новостей хороших!», впрочем, в нашем случае это утро, и мы так и подпрыгиваем от нетерпения. Но сперва позвольте спросить вас: вы не чихаете от стирального порошка?

Миссис Скуатзи Китрел из Силвер-Спрингса, Мериленд, говорит: «“Ринзо” стирает быстро и с обильной пеной, и руки потом не шершавые, и я от него не чихаю, как от остальных». Так что запомните: «Ринзо» для белой и «Ринзо» для цветной одежды – единственный порошок, на девяносто восемь процентов без пыли, вызывающей чихание. А еще скажите, вы, часом, не ищете клетчатую, в полоску или в горошек ткань для окна спальни, кабинета или кухни? Если да, то Фред Морган из «Морган бразерз» приглашает – заходите, и еще у него во дворе выставлен большой рулон крапчатого шведского материала, который он хочет отдать со скидкой, так что кто подумывал обзавестись занавесками – сейчас самое время.

А теперь – *большая* новость дня.

Дороти взяла со стола письмо с хорошими новостями, и на лице ее засияла гордая улыбка.

– Знаете, вообще-то мы не любим хвастаться, но сегодня не в силах удержаться, так что расскажем. (Мама Смит

устроила фанфары на фисгармонии.) Вчера было объявлено, что Док выиграл ежегодный Конкурс фармацевтов аптечной сети «Рексалл» – второй год подряд. И получит приз лично на Юго-восточном съезде фармацевтов в Мемфисе, а я планирую быть там и увидеть это собственными глазами. Так что – эгей, там, в аптеке, слышишь нас, Док? Мы страшно гордимся тобой!

В «Рексалл» приемник стоял на полке за спиной Тельмы и Берты Энн, двух девочек в бело-розовой униформе, работавших за стойкой с содовой. Тельма в это время мыла стеклянную вазу для бананового сплита, а Берта Энн готовила яичный салат: приближалось время обеда, скоро сюда нагрянут проголодавшиеся. Обе бросили дела и засвистели, захлопали, завопили:

– Да! Знай наших! Поздравляем, Док! Наш герой!

Док дописал рецепт и вручил посетительнице бутылку болеутоляющего: у ее младенца резались зубки. Она спросила, что случилось, и Док смущенно ответил:

– Ой, ничего, эти двое просто дурачатся. Сами знаете, такой возраст... – И продолжал: – Значит, много не лейте, всего несколько капель на стакан воды, средство просто волшебное, вот увидите.

Когда она ушла, Док подошел к стойке, шутливо грозя пальцем:

– Глупые девчонки, и что мне с вами делать?

Они засмеялись.

– Это за то, что не сказал нам, – ответила Берта Энн.

Он сел на табурет.

– Моей женушке следовало бы рот зашить. – Ему, конечно, было приятно, но он скрывал. – Приготовь-ка мне коктейль с мороженым, Берта. И себе что-нибудь налейте. Раз уж коту вынули из мешка, можно и отметить.

А тем временем Дороти сделала еще одно объявление:

– Сегодняшним победителем в конкурсе «Ваше самое большое удивление в жизни» становится миссис Салли Сокуэлл из Хот-Спрингса, Арканзас. Она пишет:

В прошлом году я потеряла бриллиант из кольца и пришла в отчаянье: его подарил мне на свадьбу покойный муж, и теперь я лишилась обоих. Представьте себе мое удивление, когда, жаря яичницу, я обнаружила в белке что-то блестящее. Не поверите, это был мой потерянный бриллиант! Наверное, курица его клюнула, когда я собирала яйца. Пути Господни неисповедимы.

– Да, миссис Сокуэлл, поразительно, но слава богу, что вы не стали делать омлет, иначе могли бы не заметить.

К слову, о пропавших предметах. Зашла Леона Уотли и сказала, что кто-то продал ее свитер и сумочку на школьной благотворительной распродаже подержанных вещей. Она говорит: положила вещи на стол, на секунду отвернулась – и все, как не бывало. Так что если вы прикупили себе жен-

ский голубой свитер, расшитый бисером, и черную сумочку с маленькой нераспечатанной коробкой салфеток «Клинекс», звоните Леоне, она с радостью их выкупит. Нам еще многое предстоит сегодня рассказать. Беатрис споет одну из ваших любимых песен, «Я снова надуваю пузыри». Да, увы, очередной сезонный бум. В следующую субботу в элмвудском кинотеатре пройдет ежегодный конкурс надувания пузырей, проводимый жвачкой «Базука»... Мамочки, готовьтесь. Я знаю, Бобби будет день и ночь сводить нас с ума: хлоп, хлоп, хлоп, чавк, чавк, чавк. И не забудьте, каждую среду в элмвудском кинотеатре Посудный вечер⁶, приходите. Так... Что я еще забыла, Мама?

Мама Смит сыграла несколько аккордов из похоронного марша и указала на стоявшую на столе банку.

– Ага, верно, спасибо, Мама Смит. На прошлой неделе мы рассказывали о новом растворимом кофе, но придется удалить его из списка рекомендуемых продуктов. Увы, он вовсе не настолько хорош, как обещали, правда, Мама Смит? Она сказала «да» и скривилась, но, как я говорю всем моим спонсорам, не бросайте попыток, мы за вас болеем.

И помните наш девиз: «Если не удалось с первого раза, пробуйте снова».

⁶ В годы Великой депрессии, когда жители перестали ходить в кино, между кинотеатрами и производителями посуды был заключен договор: раз в неделю на киносеансах раздавали бесплатно посуду.

К несчастью для Бобби, мамин девиз ему снова пришлось выслушать на следующей неделе, когда он приплелся домой, проиграв конкурс на лучший пузырь – второй год подряд. Столько тренировался – аж челюсти сводило, и все равно оказался только шестым. В их семье все что-нибудь выигрывают, кроме него.

Мальчик, который кричал «Волки!»

Док пришел домой обедать, Дороти ждала в кухне, чтобы услышать его мнение о шляпке, только что купленной для поездки в Мемфис. Он долго разглядывал новинку на голове жены, потом сказал:

– Даже не знаю, Дороти. Видал я шляпы и похуже.

– Спасибо тебе большое, – сказала она.

Мама Смит вмешалась:

– А мне нравится. – И неодобрительно глянула на сына.

– Правда? – с надеждой спросила Дороти.

– Да, да, очень стильно. Не слушай его. Он ничего не понимает в шляпках.

Док с готовностью согласился:

– Ваша правда. Меня не слушайте. По мне, так все шляпы одинаковые.

– Ну вот, – сказала Дороти. – И зачем я мучаюсь, если тебе без разницы. Могла бы просто горшок на голову нацепить.

Когда она вышла, Мама Смит сказала:

– Ну молодец.

Док пожал плечами:

– Это не шляпа, а блин с фруктами и мертвой птицей сверху.

Беатрис Вудс, сидевшая за столом, засмеялась. Док нагнулся и шепнул ей:

– Считай, тебе повезло, что ты не видишь. Непонятно, что с этой шляпой делать – то ли на завтрак сжевать, то ли подстрелить.

После того как Док снова ушел в аптеку, они сидели и говорили о предстоящем путешествии. Дороти вздохнула:

– Мне бы сбросить фунтов десять, тогда уж ехать.

Мама Смит сказала:

– А мне бы снова стать восемнадцатилетней, но чтоб мозги остались такие, как сейчас.

Дороти спросила:

– Что бы ты сделала по-другому?

– Ничего. Вышла бы, конечно, за того же человека и родила ребенка, но только подождала бы чуток. А то, может, осталась бы холостячкой, как Энн Шеридан, или открыла бы свой бизнес, завела секретаршу, курила сигары да сквернословила.

Дороти с Беатрис засмеялись, и Дороти спросила:

– Беатрис, если бы у тебя была возможность исполнить одно желание, что бы ты загадала?

Беатрис, у которой «Путешествие в кресле» была любимой передачей, ответила:

– Я бы загадала сесть в машину и объехать весь мир.

– Детка... – Дороти погладила ее по руке.

– Правда, было бы весело?

– Куда как весело, – сказала Мама Смит и поспешила сменить тему, видя, что у Дороти глаза на мокром месте.

Несмотря на ограничения в жизни, слепая Беатрис ни капли себя не жалела, и в их голосах тоже не должна слышать жалость. Но как печально: ее желанию не суждено сбыться.

На следующей неделе с Бобби случилось то же, что с мальчиком, который кричал «Волки!», из поучительной истории. Он проснулся и сообщил, что в школу пойти не может, потому что весь покрыт красными пятнами. Дороти знала, что сегодня в школе у них серьезный тест по математике, к которому он и не думал готовиться. В прошлом году в то же время он клялся, что сломал ногу. В позапрошлом выдумал аппендицит. Посему в его комнату была в третий раз послана Анна Ли с простым и доходчивым сообщением:

– Мама говорит – если через пять минут не выйдешь, то лучше бы у тебя в самом деле была сыпь.

– У меня и так есть! – возмутился Бобби. – Смотри, какие здоровенные красные пятна по всему телу, и плохо мне. Подойди, сама глянь. – Он поднял пижамную фуфайку. – И все краснее становятся, и тошнит меня, и температура, кажись, поднимается, пощупай лоб.

Но Анна Ли не собиралась его щупать и, выходя, сказала: – Валяйся, пожалуйста, сколько влезет, мне-то что. Надеюсь, тебе всыпят, не поскуются.

Бобби, ругаясь вполголоса, вылез из постели, оделся и вышел в кухню, где мать наскоро сунула ему в руку банан со словами:

– На вот, по дороге сжуешь.

– Но, мам...

– Не хочу ничего слышать, Бобби. Иди быстро, пока не опоздал.

Бубня себе под нос, он поплелся к выходу и хлопнул дверью.

Около двух часов дня позвонила учительница:

– Дороти, я хочу, чтобы вы знали: я отвела Бобби в изолятор, потому что он весь покрыт красными пятнами. Руби говорит, это корь и его нужно в карантин.

Дороти встревожилась:

– Ох, батюшки, бегу, спасибо за звонок.

Дороти, конечно, чувствовала себя страшно виноватой, и Бобби воспользовался этим на полную катушку.

– Я же говорил, что заболел, мам, – простонал он слабым голосом.

И к 5.30, когда Анна Ли вернулась с репетиции, Бобби возлежал на кровати, как король, а все суетились вокруг и угождали ему как могли. Кровать устилал слой новых комиксов, принесенных отцом из аптеки, страдальцу уже выдали мороженое, две бутылки кока-колы и «7UP», а родительница стояла у постели, готовая исполнить любой каприз. Анну Ли мать встретила строгим взглядом:

– У твоего брата корь, бедняжка *в самом деле* заболел.

Бобби лежал и слабо улыбался, радуясь победе, – ждал, чтобы Анна Ли извинилась. Но вместо извинений она вос-

кликнула с ужасом: «Корь!» – и побежала мыть руки с мылом.

Анна Ли боялась не столько самой кори, сколько волдырей: скоро ведь спектакль. В этом году она возглавляла драмкружок и участвовала в школьной постановке. Она не приближалась к брату, пока Сестра Руби не заверила ее, что дважды корью не болеют, но и после этого ходила по дому в перчатках и замотав нос платком. Лучше перестраховаться. Она ведь не просто играет в пьесе, она там главная!

Мама Смит – закоренелая преступница

В отличие от своего беззаботного сына Мама Смит была маленькая, худощавая и напористая женщина, в прошлом красотка. Она появилась на свет в городе Индепенденс⁷, штат Миссури, в соседнем доме с Бесс Уоллес, которая потом вышла замуж за Гарри С. Трумэна. Мама Смит однажды играла с ним «Вальс Миссури» в четыре руки и часто говорила о президенте:

– Мы встречались на пути к его величию.

Мама Смит всегда была вольнолюбивой и действовала без оглядки задолго до того, как это вошло в моду, объясняя, что название родного города не могло не повлиять на ее характер. И правда, она оказалась в числе первых суфражисток штата, в 1898-м вместе с подругами по колледжу участвовала в Вашингтонском марше за право женщин голосовать и была арестована за нарушение спокойствия. Эту историю Бобби и Анна Ли могли слушать бесконечно.

– Они бросили нас в кутузку, – рассказывала Мама Смит и добавляла, смеясь: – Может, ваша бабка и закоренелая преступница, но права-то мы в конце концов отвоевали!

Мама Смит стала первой женщиной в городе, постриг-

⁷ Название переводится как «Независимость».

шейся под каре, хотя на тот момент разменяла уже четвертый десяток. А еще она как-то зашла в бар в Канзас-Сити и отведала нелегального джина, от чего слегка опьянела и сбавала джаз на фортепьяно. Но поскольку она играла на фисгармонии в Первой методистской церкви, то постаралась не слишком распространяться о случившемся.

Мама Смит была обладательницей маленьких, изящных ножек, очень ими гордилась и не упускала случая продемонстрировать. В ее гардеробе стояло больше тридцати пар обуви. И если Бобби унаследовал от нее любопытство, то Анна Ли – страсть к обуви. Вот и на прошлой неделе она отправилась в центр, чтобы купить на распродаже «оксфорды» из витрины универсама «Морган бразерс», по которым давно помирала. Но, как водится, из всех выставленных в витрине туфель на эти единственные не было скидки. Она здорово потратилась на платье для выпускного и была на нулях. Всю следующую неделю она ломала голову, как бы подзаработать, и тряслась, что туфли купят. Каждый день ходила их проведывать, но разжиться деньгами удалось только за несколько дней до отъезда родителей в Мемфис. Маме Смит тоже внезапно понадобилось уехать в Индепенденс к сестре, которая упала и сломала бедро. Хотя корь Бобби почти прошла, у Дороти душа была не на месте, она не могла бросить больного ребенка, будь то младший или старшая. И тут, к всеобщему удивлению, Анна Ли вызвалась все выходные провести дома и ухаживать за Бобби и Принцессой Мэри Маргарет за

вознаграждение, равное стоимости туфель, если ей заплатят вперед. Сестра Руби сказала, что будет заглядывать каждый день, и Джимми заверил, что присмотрит за ними обоими. И после всеобщих уговоров Дороти все же решилась на поездку.

На три дня Бобби устроил Анне Ли настоящее рабство. Он провел их в постели, слушая радио, полистывая комиксы и порявкивая: то кока-колу ему неси, то шипучку, то имбирный эль, то мороженое. Пока он придумывал новые приказы, Принцесса Мэри Маргарет, беспокойная с рождения, нервно бегала из комнаты в комнату в поисках Дороти – переживала, где хозяйка и вернется ли.

Док и Дороти прибыли в отель «Пибоди» вечером в пятницу и прекрасно провели следующий день, посещая всех своих друзей в Мемфисе и не подозревая о закулисной катастрофе. В соседнем с ними номере 367 Норвел Флоат, ответственный за банкет на съезде фармацевтов, пребывал в ярости. Только что ему доставили телеграмму, что дуэт Вилли и Бак, известный под сценическим именем «Хау ду ю ду бойз», который он лично ангажировал на этот вечер восемь месяцев назад, устроил кулачную потасовку из-за дамочки в Шривпорте, штат Луизиана. Бак сломал нос Вилли и сбежал с отвоеванным трофеем в Чикаго. Понятное дело, отказались они в последнюю минуту, и у Норвела Флоата осталось 723 фармацевта без обещанного концерта. Он немедленно

сел на телефон и обзвонил все городские агентства по организации концертов. Но на сегодня никого не было в наличии. Ни чечеточников, ни певцов, ни комиков, ни завалящего аккордеониста! Он даже решился позвать Томми Троупа, который имитировал голоса птиц (и делал это отвратно), но получил ответ, что Томми в прошлом месяце скончался. Тогда в последней отчаянной попытке Флоат позвонил на местную радиостанцию, ВРКК, обитавшую на восемнадцатом этаже отеля. Тамошний директор ничего утешительного ему не пообещал. Единственное, что он мог предложить, это группу странствующих евангелистов, которые выступали у них сегодня в шесть утра и не успели покинуть город. Норвел тут же не глядя попросил их позвать. Директор переспросил:

– Вы уверены? Они, как бы это сказать... несколько сыроваты.

– Слушайте, мистер, – сказал Норвел, – я в безвыходном положении. Мне уже все равно, понимаете? Доставьте их к половине десятого.

Он положил трубку, чувствуя себя счастливым человеком. Неважно, кто и что, лишь бы не пустая сцена.

Банкет в тот вечер получился роскошным. Док, Дороти и остальные фармацевты и их жены нарядились по такому случаю в лучшие выходные костюмы и платья. Док под жаркие аплодисменты поднялся получать награду, такой красивый, такой элегантный в своем смокинге, с серебристой сединой,

поблескивающей в свете прожекторов, что, когда он вернулся за столик, Дороти шепнула:

– Я замужем за самым красивым мужчиной в этом зале.

Он засмеялся и шепотом ответил:

– Ну конечно, ты так говоришь, потому что тебе от меня никуда не деться.

Позже, когда были вручены остальные награды, конференсье вышел и объявил то, что за сценой Норвел Флоат набросал второпях на салфетке:

– Поздравляем еще раз победителей и надеемся, что ужин вам понравился. А теперь продолжим вечер. Мы счастливы приветствовать на нашей сцене знаменитую семью Отман, исполнителей духовных песнопений, из далекого города Сенд-Маунтин, Алабама. Сегодня они успешно выступили на радио ВРКК в программе «Час песнопений». Встречайте!

Занавес тут же поднялся, являя залу пятерых Отманов – мать, отца, двух мальчиков и девочку. Мать, сидевшая за пианино, – женщина весом не меньше двухсот фунтов, белокожая, с чернющими волосами, собранными в пучок, без намека на макияж и в бледно-лиловом платье – внезапно и без предупреждения атаковала ничего не подозревающее пианино, одной пухлой рукой отбивая ритм, а второй – мелодию. Несчастный инструмент подпрыгивал, сражаясь за жизнь, а она беспощадно давила на педали. И – снова неожиданно – большой мужчина постарше, двое молодых людей (все в одинаковых костюмах) и девочка, стоявшая на сцене как столб,

завопили со всей силы:

– ВЫ НОВОСТИ ХОРОШИЕ СЛЫХАЛИ?

И все гости до единого выслушали означенные хорошие новости. Минни Отман об этом позаботилась. У нее был самый сильный голос в группе – глубокий, хрипловатый и такой громкий, что если включить его на полную катушку, то с противоположной стены зала сыпалась штукатурка. За полчаса группа осилила «Славься, славься, светлый путь», «Каждый раз я к Духу прикасаюсь», «Дом на холме», «Скажи маме, что я там буду», «Радостный день» и «Когда придешь я в Город тот». Пока они пели, фармацевты и их жены из Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии сидели ошеломленные и обездвиженные, тогда как большинство южан кивали, улыбались и постукивали в такт ногами. Но клан Отманов, казалось, совершенно не замечал аудитории, не обращал внимания ни на тех, ни на других и продолжал с растущим энтузиазмом: «Подожди, недолго ждать осталось», «Какой же это будет день», «Я поднимаюсь все выше и выше», а закончил песней, которую их предводительница, как сама гордо призналась, написала только сегодня, сидя за завтраком в кафетерии отеля. Она сказала:

– Песня называется «Жду не дождусь попасть на Небеса».

Надеюсь, вам понравится.

Потом откинула голову, заколотила по клавишам и радость полилась из ее горла:

По ступеням хрустальным взойти
И по залам из кости слоновой
Прямо к трону бежать золотому,
Где, я знаю, давно меня ждет
Иисус, мой прекрасный король.

Я узнаю Его, увидав.
Я узнаю Его где угодно.
Его кровь обратилась в рубины.
Где терновый венец возлежал,
Там алмазы сверкнут в волосах.

Я мечтаю о вас, Небеса,
Буду счастлива там, а печали
И тревоги останутся здесь.
Все труды и всю ношу земную
Разом сброшу с натруженных плеч.
По ступеням хрустальным взойду
И вскричу наконец: «Аллилуйя!»
Испытания все позади,

Потому что дождался меня
Иисус, мой прекрасный король!

Пока она тянула финальный ми-бемоль, у многих людей
в зале полопались бокалы. У некоторых исполнителей полу-

чается слишком «темный» или слишком «выбеленный» продолжительный звук за счет преобладания низких или высоких обертонов, но у Минни Отман была идеальная высота, она всегда была в самый центр ноты с точностью серебряной пули. Звон в ушах стоял у слушателей еще долго после того, как дали занавес.

Отманы едут

Представление было чудесное, даже более чем. По окончании Док сказал соседу:

– В жизни не видел людей, так страстно жаждущих смерти.

Но Дороти получила массу удовольствия. Ей и раньше доводилось слышать церковные песнопения, но не такие. Недостаток стиля и глянца Отманы компенсировали вдохновенностью исполнения. Они с Доком не были особыми любителями подобного рода музыки, но Дороти знала, что ее слушательницам на фермах это должно понравиться. И когда остальные гости, оглушенные, на неверных ногах потянулись к бару, Дороти направилась за кулисы, чтобы похвалить Отманов за выступление.

Семейство собирало звуковое оборудование. Дороти представилась Минни Отман, наговорила комплиментов и сказала, что если они будут где-нибудь поблизости от Элмвуд-Спрингса, штат Миссури, она приглашает их на передачу. Минни промокала большим белым платком взмокшее лицо. Она сказала:

– Благослови вас Бог. – Потом отвернулась и крикнула: – Феррис, нас не звали в этом году на религиозные бдения где-нибудь в Миссури? Или речь шла об Арканзасе? Загляни-ка в блокнот. Эта милая леди хочет позвать нас на свою радио-

программу. – Она извинилась перед Дороти: – Мы столько разъезжаем, уважаемая, что всего не упомнишь.

Феррис Отман, весивший фунтов на сто больше своей жены, пыхтя, вытянул из внутреннего кармана пиджака длинный черный блокнот. Полистал его:

– Мы приглашены в Церковь Христа на шоссе 78 возле города Эш-Хилл, Миссури, в первую неделю июля.

Минни повернулась к Дороти:

– Это недалеко от вас, уважаемая?

Дороти сказала:

– Да, я знаю Эш-Хилл, это рядом. С радостью попрошу кого-нибудь съездить за вами и привезти к нам. Где вы остановитесь?

Минни засмеялась:

– Ой, где нас поселят, мы узнаем только на месте. Мы ночуем у добрых людей. Обычно церковь находит жилье. Нас шестеро, включая Флойда, – он ждет в машине, не выступает на банкетах, только в церквях и на религиозных бдениях, так что если знаете семью, готовую приютить двух-трех человек, скажите, ладно? У вас, часом, не найдется лишней кровати или топчанчика?

Дороти оказалась в безвыходном положении, потому что женщина согласилась выступить в ее передаче. Она глянула на девочку – той было лет пятнадцать-шестнадцать – и сказала:

– Ну, вообще-то, миссис Отман, у нас самих дочка при-

мерно одного возраста с вашей, и она наверняка будет в восторге от такой гостьи.

Минни возвела глаза к потолку, пропела «СЛАВА ИИСУСУ!» и снова перевела взгляд на Дороти:

– Я вам вот что скажу, миссис Смит, Господь каждый день подкидывает нам хороших людей. – Она снова спела во весь голос: – БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ДОРОГОЙ ИИСУС!

Дороти была несколько ошарашена такой эмоциональной благодарностью и быстро добавила:

– Но, миссис Отман, вы должны знать, что мы не прихожане Церкви Христа, не знаю, важно ли вам это, но...

Минни отмахнулась:

– Ой, дорогуша, совершенно неважно, лишь бы вы были христианами, не пили спиртного, не курили и не играли в азартные игры. – И, прежде чем Дороти успела вставить хоть слово, закричала мужу: – Феррис, одно место около Эш-Хилл уже есть! – И снова обернулась к Дороти: – Это очень мило с вашей стороны, спасибо вам всем, она не доставит проблем, ест маломало, вы ее даже не заметите. – Потом махнула белым носовым платком в сторону дочери: – Бетти Рэй, пойди-ка сюда. Эта милая леди приглашает тебя пожить с ними в Миссури.

Бетти Рэй – худая бледная девочка, светлая шатенка с карими глазами, в таком же, как у матери, лиловом платье – подошла к ним с некоторой неохотой.

Дороти ей улыбнулась:

– Здравствуй, Бетти Рэй. У нас дочка твоего возраста, и она будет рада, если ты у нас поживешь.

Минни ткнула девочку локтем:

– Скажи леди спасибо.

Девочка вспыхнула и что-то пробормотала, но так тихо, что Дороти не разобрала слов.

Позже, когда Дороти вернулась к столу и осознала, что сделала, она сказала мужу:

– Анна Ли меня убьет.

Пикники с песнопениями

Семейство Отман было одним из многих белокожих исполнителей церковных песнопений, странствующих в этом году по Югу и Среднему Западу. Группы с названиями «Семья Спир», «Семья Счастливых Гудманов», «Политики», «Мальчики Гармонии», «Уэзерфорды», «Ле Февр», «Четверка из Дикси», «Мальчики из Долины Теннесси», «Мастера мелодии» жили на то, что ездили по стране и пели в маленьких церквях, на собраниях верующих, на религиозных бдениях, на днях песнопений и всяких пикниках с обедом на природе. Корни так называемой южной церковной музыки «госпел» уходят в Англию 1700-х годов, когда первые колонисты привозили с собой из Старого Света сборники гимнов. Госпел долгое время был доминирующим музыкальным стилем в Америке, очень популярным на церковных собраниях по всей стране. Но после Гражданской войны пение в стиле «Священная арфа» – музыка фигурных нот – потеряло свою популярность на Севере, сохранившись только в сельских церквях на глубоком Юге. В 1910 году человек по имени Джеймс Д. Воган опубликовал свой первый песенник «Гармонии госпела». Для продвижения сборника он создал «Квартет Вогана», первую чисто мужскую группу южных церковных песнопений в Америке. А затем открылась Музыкальная школа Вогана в Лоуренсбурге, штат Теннесси.

Следом стали открываться другие школы, и в 1930-е годы группы южного госпела из мужчин, женщин и детей уже колесили по Югу и Среднему Западу и проникли на север до самой Айовы. О наиболее успешных группах заговорили на радио, и скоро их выступления стали собирать толпы народа.

Но в 1946-м появление на радио Отманам было еще в новинку. Родители Ферриса и его братьев – Флойда и Лероя, протестанты-пятидесятники, жили на бедной частной ферме в Северной Алабаме. Воспитанный в строгости, Феррис верил, что слушать радио, а также петь под радио и молиться под радио – большой грех. Как выражалась Минни, «у Ферриса пунктик: он думает, что за всем скрывается дьявол». Но в 1945-м, увидев, сколько народу благодаря радиовещанию привлекают остальные группы, он начал молиться. Неделю спустя поделился:

– Минни, Господь говорил со мной и сказал, что мы должны идти на радио.

Все, отмашка дана, можно действовать.

Минни Варнер, четвертый ребенок священника «Ассамблеи Бога», родилась под городом Шейло, Джорджия. Варнеры были семьей музыкальной, и в девять лет Минни уже играла на пианино в церкви. В двенадцать она познакомилась с Феррисом Отманом, которому было в ту пору двадцать четыре. Она играла для состоящей из девочек группы из Бирмингема на Дне песнопений. Увидев в тот день Ферриса с его копной черных вьющихся волос, она влюбилась. Феррис ис-

пытал те же чувства. Вечером он сказал своему брату Лерою:
– Сегодня я встретил мою жену.

Два года спустя, в возрасте четырнадцати лет, она убежала с ним, невзирая на предупреждения родителей и старших братьев, что выйти замуж за странствующего певца – не лучший вариант. Проведешь, мол, жизнь на заднем сиденье машины, продавая песенники из багажника. И до сих пор их предсказания сбывались. Но Феррис Отман, который вкалывал на хлопковой плантации, чтобы окончить Школу песнопений Стемпе-Бакстера в Далласе, чувствовал, что это его призвание. С шестилетнего возраста он не мечтал о другой жизни кроме как в квартете исполнителей госпела. А Минни с двенадцати лет хотела только одного – быть его женой. Так и началась у них жизнь на колесах.

После того как родились два мальчика, Бервин и Вернон, а потом и Бетти Рэй, родители Минни купили им маленький дом из двух спален в нескольких милях от ее родной деревни. Они хотели, чтобы у детей был свой дом, но дети появлялись там ненадолго, помыться, постираться – и снова на дорогу. Это была нелегкая жизнь. Во время Великой депрессии они потеряли брата Ферриса, Лероя, их бас-гитариста, который сбежал, чтобы присоединиться к оркестру народной музыки. В те дни им перепадала разве что горсть долларов от продажи песенников, но чаще они выступали за жертвования, составляющие пять-десять долларов за вечер, в зависимости от количества прихожан. Денег не хва-

тало. Единственным утешением, рассказывала Минни, была уверенность, что это работа во славу Божью, и еще еда. Церкви были в основном деревенские, и еды там всегда хватало. В домах, где их принимали, и на бесчисленных пикниках с пением гимнов даже во время Депрессии хорошо кормили. Жареный цыпленок, ветчина, свинина, жареная зубатка, свежие овощи, батат, картофельное пюре, хлеб с мясной подливкой, маисовые лепешки, свежая пахта, мед, варенье и джем, домашняя выпечка, пироги и фруктовые десерты. Они ели столько жирной пищи, что стало казаться, будто исполнителей госпела отбирают по весу. Один человек в Луизиане, ставший под Шреверпортом свидетелем автомобильной аварии, где пострадала машина с известной группой певцов, заметил:

– Из одной только машины вытащили пару тысяч фунтов певцов. Конечно, есть и удобство от всей этой набивки: никто не пострадал.

Неудобство же, по словам Минни, было в том, что «исполнители госпела обладают прекрасной душой, но паршивым желчным пузырем». Из семьи Отман только Бетти Рэй была худышкой, и этого они понять не могли. Впрочем, девочка во многом была для них загадкой.

Снова дома

Дороти с Доком вернулись в Элмвуд-Спрингс поздно вечером в воскресенье, и в 9.30 в понедельник она, как обычно, вышла в эфир. Соседка Дороти открыла программу своим всегдашним приветствием:

– Всем доброго утра, надеюсь, у вас погода прекрасна, но на нашу я сержусь – сплошь серая морось. Но будь то дождь или солнце, я рада оказаться дома и снова встретиться с моими радиодрузьями. Мы чудесно съездили в Мемфис, столько всего повидали! Во-первых, прямо в холле нашей гостиницы жила семейка уток, во-вторых, через дорогу от нас двадцать четыре часа в сутки продавали хот-доги. Я Доку говорю: не представляю, кто бы захотел хот-дог посреди ночи, но, видеть, такие находятся. В общем, Мемфис замечательный город, но... – Мама Смит сыграла несколько аккордов песни «Нет лучшего места, чем дом наш родной», и Дороти засмеялась: – Верно, верно, Мама Смит. Кстати, мы рады, что Мама Смит этим утром снова с нами, ее сестра Хелен молодчина, резво идет на поправку. Мы желаем доброго здоровья и ей, и всем нашим любимым, кто нынче болеет. Для них у нас припасен особый подарок, который придется по душе всем любителям церковных песнопений. Но это потом, а пока...

Скажите, вы умеете печь бисквиты так, чтобы вся ваша семья в один голос восклицала: «Вкуснота!»? Если нет, я хочу,

чтобы вы пошли и купили себе пакет муки «Голден флейк – легче перышка». И прежде чем я прочту письмо-победитель в конкурсе «Как я встретила своего мужа», я должна сказать огромное спасибо Эвелин Беркби, нашей подруге и ведущей радиопередачи для хозяек «На проселочной дороге», которую слушают на радио КМА в Шенандоа, штат Айова, за присланный рецепт черничного пирога со сметанным кремом. Давайте поглядим, что тут у меня припасено... А-а, Фред Морган звонил, они только что получили партию новых радиоприемников «Филко», так что спешите. С горечью признаюсь: я настолько стара, что помню самодельные радиоприемники – детекторные штуковины, сооруженные из коробок от овсянки или сигарет. Что? Мама Смит говорит, что помнит время, когда радио вообще не было. Я страшно рада, что мы живем сейчас, а не тогда, а то что бы я делала, не заходя с помощью радиоволн в гости ко всем моим радиососедям, но как эта штука работает – не спрашивайте. Ведь нас, одновременно болтающих в эфире, огромное количество, но передачи не сталкиваются друг с другом в воздухе. Загадка! Часто задаю себе вопрос: куда девается моя передача после того, как ее услышали? Растворяется в воздухе или так и витает где-то в надземном пространстве? Но если знаете – прошу, не говорите мне, а то напугаюсь до смерти.

Пришла Беатрис, у нее песня «Звездная пыль на синей траве» для всех слушателей из Кентукки, но сначала наш победитель. Миссис Бутс Кэрролл из Энида, Оклахома, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

Мы с мужем познакомились в Алькатрасе⁸. Нет, он не был преступником, он был охранником. Прихожане нашей церкви поехали туда на экскурсию, и, когда мы встретились глазами, он проследовал за группой до экскурсионного автобуса, узнал, где мы остановились, и в тот же вечер пригласил меня на свидание. Хоть и служил он охранником, а был красивым, и форма ему очень шла, и теперь у нас четверо взрослых детей.

Что ж, миссис Кэрролл, приз определенно ваш, так что ждите сертификат на бесплатный пятифунтовый пакет муки «Голден флейк».

После того как Беатрис спела и Дороти справилась еще с несколькими рекламными объявлениями, она сказала:

– Знаете, я всегда ищу, чем бы вас новеньким порадовать, и вот, пока мы с Доком были в Мемфисе, мне повезло увидеть и услышать удивительную поющую группу, семью Отман. В следующем месяце они приедут выступить на нашей программе. Позже я сообщу точную дату, чтобы ни один ценитель церковных песнопений не пропустил это событие. Вас ждет истинное наслаждение.

Приезду Отманов особенно обрадовалась тетушка Нормы, Элнер Шимфисл: она уже слышала их выступление в передаче «Время госпела». В последнее время старушка стала

⁸ Тюрма, ныне музей на острове-скале Алькатрас в бухте Сан-Франциско.

туга на одно ухо и полюбила группу, которая так громко поет.

После передачи, восхищаясь в комнате Анны Ли новыми туфлями и слушая жалобы на Бобби, который тиранил ее после их отъезда, Дороти пыталась придумать, как бы менее травматично сообщить дочери о скором приезде гостыи. Она сделала вид, что расправляет занавеску, и эдак небрежно бросила:

– Да, кстати...

Но хитрость не удалась.

– Исполнительница песнопений Церкви Христа? – возопила Анна Ли. – В моей комнате на целую неделю? Поверить не могу!

– Ну, золотко, она тебе наверняка понравится, вот увидишь. Такая вроде славная девчушка, – с надеждой сказала Дороти.

Анна Ли взвыла и повалилась на кровать, словно разом лишившись сил.

– Мама, как ты могла – не спросив меня?

– Так уж получилось, понимаешь. Миссис Отман спросила, нет ли у нас лишней кровати... А тебя там не было... Вот я и подумала – ты не станешь возражать. Она ведь примерно твоего возраста, и к тому же тебе не помешает познакомиться с человеком немного другого круга.

– Немного другого! Мама, эти люди даже в кино не ходят,

не красятся – ничего!

Дороти вспомнила, как они выглядят, и должна была признать:

– Может, и так. Но это из-за религии, так что нужно просто уважать их убеждения. Ты же можешь сделать перерыв на неделю в кино и танцах, правда?

Анна Ли смотрела на мать в ужасе:

– Почему я должна делать перерыв? Я же методистка.

– Ну просто мне кажется, это будет не совсем ловко – делать то, чего ей нельзя.

– И как мне предлагаешь ее развлекать, если ей ничего нельзя?

– Можешь познакомить ее с подругами. Наверняка у вас найдется много интересных занятий.

– Хоть одно назови.

– Например, в бассейн можно сходить. Или организовать для нее небольшую вечеринку на заднем дворе. Пикничок.

– А еще что?

– Ох, Анна Ли, ну не знаю. Да ты придумаешь, чем занять свою гостью, я уверена.

– Она не моя гостья, я просто отдуваться должна буду за всех – день и ночь с ней возиться. А вдруг она начнет рыться в моих вещах?

– Не глупи. Не станет она рыться. Она очень славная девочка, и наверняка все будет хорошо, как-нибудь ты выживешь, даже если тебе придется целую неделю проявлять го-

степриимство. Потом еще обсудим. А сейчас мне пора готовить обед.

Дороти была в дверях, когда Анна Ли добавила:

– Ладно, но если она заявится в каком-нибудь жалком са- модельном платье, я ее никуда не возьму. Пусть дома сидит.

Анна Ли не хотела огорчить маму, но от этого заявления Дороти остановилась как вкопанная. Анна Ли в ту же секунду сообразила, что зашла слишком далеко.

Мать обернулась и долго смотрела на нее.

– Анна Ли, только не говори мне, что моя дочь выросла снобом. Если я хоть на минуту подумаю, что ты способна быть к кому-нибудь недоброй, тем более к бедной девочке, которая, может, мечтает приехать и познакомиться с тобой, это разобьет мне сердце. Я сказала, что ты будешь рада принять ее, да, видно, ошиблась.

Анне Ли сразу стало стыдно.

– Мама, прости, я не хотела.

Дороти постояла, раздумывая, что предпринять, потом решилась:

– Я позвоню миссис Отман и скажу, чтобы они на нас не рассчитывали, подыскивали другое жилье.

– Нет, не надо. Мам, ну прости.

Но Дороти повернулась и вышла из комнаты. Анна Ли ринулась за ней, умоляя:

– Нет! Пожалуйста, не надо. Мама, ну пожалуйста!

– Я не стану звать девочку, если ей не рады.

– Рады, рады, я хочу, чтобы она приехала. Обещаю, я буду делать все, что она захочет. Пожалуйста, пусть придет! Я себя убью, если не разрешишь ей приехать! – Тут она рухнула на пол в полноценной подростковой истерике. – Пожалуйста! Пожалуйста! Она может одна в моей комнате жить, я у бабушки посплю, может все мои вещи носить. Я буду развлекать ее днем и ночью, обещаю, только не звони!

Дороти не раз была свидетелем подобных спектаклей, и это ее не убедило.

– Хорошо, Анна Ли, встань. Сегодня звонить не буду. Но ничего не обещаю. Посмотрим, что ты завтра скажешь.

С этого дня на каждом совместном ужине Анна Ли сообщала, что ждет не дождется приезда Бетти Рэй.

И хотя это было не совсем правдой, Анна Ли готова была пройти сквозь огонь, только бы снова не разочаровать маму.

Гостя по принуждению

Месяц спустя около четырех часов пополудни старый запыленный четырехдверный зеленый «паккард», плотно забитый людьми, сборниками песен и одеждой, со звуковым оборудованием, привязанным к багажнику на крыше и даже к подножкам, остановился около дома Смитов. Сделанный вручную знак на капоте гласил: СЕМЬЯ ОТМАН – СТРАНСТВУЮЩИЕ ВО ИМЯ ИИСУСА.

Дороти крикнула из гостиной:

– Анна Ли, Бобби, спускайтесь, Бетти Рэй приехала.

Весь день Анна Ли отрабатывала улыбку и счастливый вид по поводу приезда госты, но, увидев побитую дорогами машину, втайне понадеялась, что соседи ее не заметят.

Дверь машины открылась, с заднего сиденья вылезли трое, на девочке, как и предвидела Анна Ли, было голубое самодельное платье с каким-то уродским зеленым зигзагом по вороту и рукавам. Один из мальчиков Отманов отвязал от подножки небольшой коричневый картонный чемодан, сунул его девочке и влез обратно в салон.

Минни махала из окна платком.

– Вот и она, миссис Смит, – сказала она и, оглядев дом, воскликнула: – Нет, вы только гляньте, что за красота! Сколько кустов, а клумбы какие – ай-ай! Да это самый красивый дом из всех, где она жила.

Дороти поблагодарила.

– Может, зайдете выпьете холодненького, съедите по сэндвичу? Я для вас печенье напекла.

– Ой, нет, уважаемая, сил нет, мы из Оклахомы едем как сардины в банке, ноги отекли, как у слона, скорей бы до места добраться. К тому же, если мы все вылезем, неизвестно, впихнемся ли мы обратно. Мальчикам не терпится поглядеть, где нам выступать... Но от печенья не откажемся, если оно домашнее.

– Конечно, – сказала Дороти. – Анна Ли, Бобби, упакуйте печенье в вощеную бумагу и сэндвичей положите.

Минни поманила Дороти, чтобы та подошла поближе к машине.

– Миссис Смит, я уже говорила, она совсем мало ест. Единственное, что может вас беспокоить, это ее привычка сидеть в уголке и молчать, но не принимайте на свой счет. Она просто ужасно смущается, не знаю даже, отчего и в кого она такая. Господь знает, прочих Отманов скромниками не назовешь. Мы молимся, чтобы она от этого избавилась, но пока результатов не видеть.

Получив угощение, Минни сказала:

– Я утром верну тарелку. Будем ровно в девять, к началу программы, не волнуйтесь.

И они укатили, оставив Бетти Рэй на дороге.

Анна Ли немного ненатурально изобразила радость:

– Здравствуй, я Анна Ли, добро пожаловать.

Дороти притянула к себе сына и сказала:

– А это Бобби.

Бобби сказал:

– Привет.

Бетти Рэй кивнула, не поднимая глаз. Последовал неловкий момент, когда они все стояли и молчали, но Дороти словно дала команду «Отомри!», сказав:

– Ну, пошли тебя устраивать. Бобби, возьми чемодан.

Бобби как зачарованный разглядывал ее странное платье.

– А-а, да... – Он взял чемодан и тут же спросил: – А он у тебя что, картонный?

Дороти прожгла его взглядом.

– Мне просто интересно, – буркнул он.

Бетти Рэй, видимо, привыкла ночевать у незнакомых людей, смирилась и покорно шла, куда ее вели. Она молчала, пока процессия не остановилась перед комнатой Анны Ли. Дороти открыла дверь и провозгласила:

– Будешь жить здесь.

Огромная, солнечная, с большой кроватью, покрытой белой кружевной накидкой, с цветастыми обоями, комната казалась ожившей фотографией из журнала. Анна Ли с Дороти все утро приводили ее в порядок. Дороти постирала и погладила занавески. Все ждали, что гостя войдет первая, но Бетти Рэй застыла в дверях. Потом жалобно глянула на Дороти и спросила извиняющимся голосом:

– Миссис Смит, а нет ли у вас какой-нибудь другой ком-

наты?

Дороти была поражена. Вот уж чего она никак не ожидала услышать.

– Э-э... Тебе не понравилось? Что-нибудь не так?

– Нет, мэм.

Дороти потеряла дар речи. «Ох, батюшки», – только и могла она сказать.

Бобби выдал:

– А хочешь, у меня поживи. У меня там полно всякого.

– Нет, Бобби, с тобой она жить не будет. Я просто пытаюсь сообразить, что можно еще предложить. Давай пройдемся по дому, посмотришь сама.

Бетти Рэй снова съежилась и испуганно прошептала:

– А вы не возражаете?

Дороти беспокоилась, но виду не подала.

– Нет, конечно, ты же гостья. Мы хотим, чтобы тебе было хорошо.

Пока они втроем следом за Бетти Рэй совершали небольшой марш-бросок, обходя комнаты, Дороти посмотрела на дочь, вскинула руки и потрясла головой, как бы говоря без слов: «Я не понимаю, что она делает. А ты?» Но Анне Ли вдруг стал нравиться такой странный поворот событий, и она не ответила. Только подняла глаза к потолку и невинно похлопала ресницами, что в переводе могло означать: «Откуда мне знать? Это ты ее пригласила». Дороти очень захотелось ущипнуть дочь покрепче.

Бетти Рэй обошла почти весь дом, пока не открыла дверь в маленькую каморку для шитья. Заглянув внутрь, она указала на кушетку у стены, заваленную обрезками ткани и выкройками:

– Можно я здесь поживу?

Дороти, раздавленная, сказала:

– Можно, конечно... Но это же просто дыра в стене, не больше стенового шкафа. Здесь даже одежду негде повесить. Разве тебе не будет лучше в большой, красивой спальне, с собственной ванной?

Но Бетти Рэй прошептала:

– Нет, мэм, мне здесь нравится.

– Ну и прекрасно, – излишне бодро сказала Дороти. – Главное, чтобы тебе нравилось. Анна Ли, помоги мне освободить кровать, и сложим гладильную доску.

За обедом Бетти Рэй почти ничего не съела. Открывала рот, только когда к ней обращались, и то ради односложного ответа.

Док заскочил домой пообедать и попытался с ней поболтать. Он вежливо спросил:

– Ну как тебе твоя комната, Бетти Рэй?

Бобби встрял:

– Не понравилась. Она заселилась в комнату для шитья.

Док спросил Дороти:

– Почему в комнату для шитья? Мне казалось, гостью собирались поселить к Анне Ли.

Пока Дороти подыскивала тактичный ответ, возникла пауза, в которую мог бы проехать грузовик. Но Бобби не заметил никакой неловкости, зато заметил, что у гости нет аппетита, и вежливо осведомился:

– Если она не хочет свой десерт, можно я его съем?

После обеда, не говоря ни слова, Бетти Рэй направилась в кухню и встала у раковины. Когда Дороти сообразила, что к чему, то замахала руками:

– Нет, разве можно, деточка, ты же гость. Беги играй. Мы с Мамой Смит сами приберем.

Бетти Рэй, кажется, удивилась, но отправилась прямо в свою комнату и закрыла дверь. Когда Анна Ли, вытащив из шкафа кучу игр, в которые они могут поиграть, заглянула в кухню с вопросом, где Бетти Рэй, Дороти сказала:

– Не уверена, но, кажется, она уже легла.

– Но сейчас только семь.

– Может, устала с дороги.

– Значит, – сказала Анна Ли, – монополька отменяется, да?

Позже, когда они сидели на веранде, а Дороти еще не вышла, Мама Смит тайком шепнула Доку:

– Странная девчушка, правда?

Неудивительно

В тот первый вечер Мама Смит посчитала Бетти Рэй странной, но на следующее утро, столкнувшись со всем семейством Отман во всей его красе, включая загадочного Дядю Флойда Отмана с его куклой по имени Честер, чревоуважающей цитатами из Святого Писания, она изменила мнение. Честер был в ковбойской шляпе и то и дело напевал: «Йодль вложил мне в сердце Иисус». Увидев остальных, Мама Смит быстро сообразила, что Бетти Рэй – самая легкая форма Отманов.

После их ухода Бетти Рэй тотчас скрылась в своей каморке.

– Бог мой, неудивительно, что она со странностями, – заметила Мама Смит. – В такой-то компании.

Ровно в 9.15 они вывалились из машины и вторглись в дом, как армия захватчиков, и меньше чем за десять секунд съели все шесть дюжин печений, выставленных у двери. Во время выступления Минни села за фисгармонию Мама Смит и забила ее практически до смерти. После того как группа спела три песни, чревоуважатель Честер проговорил высоким, скрипучим голосом:

– Не забудьте, друзья, начиная с сегодняшнего вечера мы всю неделю будем петь на шоссе 78 в Церкви Христа на ежегодном пикнике с песнопениями, и там будет уйма хороших

песен, уйма хорошей еды... и спасение душ, так что приходите!

Потом они загрузились в автомобиль и уехали.

Зрителям, присутствующим в тот день на передаче, их пение явно понравилось, особенно Беатрис Вудс, Слепой Пташке Певчей, она даже от восторга захлопала в ладоши, когда чревовещатель Честер разразился йодль-трелями. Мама Смит, однако, ее восторгов не разделяла и рада была получить назад свой инструмент хотя бы отчасти живым.

Зато Бобби было без разницы – носит ли Бетти Рэй платье домашнего кроя и поет ли госпел. Ему нравилось, что в доме новый человек. Наконец есть перед кем повыделываться.

На второе утро он дождался, когда Бетти Рэй выйдет в кухню завтракать. Едва она села за стол с Дороти и Мамой Смит, они услышали странный, зловещий свист из холла. Потом в дверях появился Бобби в отцовском длинном плаще с поднятым до ушей воротом и широкополой серой фетровой шляпе, надвинутой до глаз, и завыл не своим голосом:

– Я Свистун и многое знаю, ибо я выхожу по ночам. Я знаю много загадочных историй, таящихся в сердцах мужчин и женщин: им есть что прятать во мраке. Да... Мне ведомы страхи, о которых они молчат, страхи, которым нет названия!

На сих словах он исчез так же внезапно, как появился, огласив дом безумным смехом.

Бетти Рэй немного встревожило такое странное поведе-

ние, но остальные спокойно вернулись к еде. Дороти лишь сказала, намазывая маслом тост:

– Тратил бы он столько же времени на домашнюю работу, сколько проводит в обнимку с радио, был бы уже отличным.

Бетти Рэй глянула в окно и увидела девушку в темных очках: держась за протянутую между домами веревку, она шла через двор, направляясь к двери черного хода, в то время как другая посетительница – в поношенном платье, с накрученными на бигуди волосами, забранными под сетку, – вбежала на крыльцо – и напрямиком к кухне:

– Маму не видали?

Дороти огорчилась:

– Нет, здесь ее не было. Опять пропала?

– Да. Я на пять секунд отвернулась, глядь – ее нет. Если увидите ее, хватайте.

Когда женщина ушла, Мама Смит сказала:

– Бедняжка Тот, это уже второй раз за неделю.

Дороти покачала головой:

– Бедняжка Тот.

Мама Смит повернула голову, чтобы заговорить с Бетти Рэй, но та исчезла, оставив тарелку с едой почти нетронутой. Через секунду щелкнул замок на двери ее каморки. Женщины удивленно переглянулись.

– Н-да... – сказала Мама Смит.

– Н-да... – повторила Дороти. – Не знаю, что и думать.

А ты?

– И я.

К завтраку спустилась Анна Ли.

– Она уже встала?

– Да, и уже ушла. Ты еепустила.

Бетти Рэй сидела в каморке, пока не пришло время ехать на собрание. Тогда она выскользнула из дома незамеченной и стояла на дороге, пока ее не забрала машина. Позже Дороти постучала к ней в дверь и, не дождавшись ответа, вошла глянуть, все ли в порядке, но девочки след простыл. Дороти не собиралась любопытничать. Она случайно заметила, что платье Бетти Рэй, в котором та приехала, лежит на кровати, а открытый чемодан на полу пуст. Боже правый, подумала Дороти, у девчушки всего-то одежек – два платья.

Первым желанием было помчаться в город и закупить ей нарядов. Вечером она обговорила это с Доком. Многие годы оба тайком снабжали людей одеждой и продуктами или анонимно посылали деньги, когда случалась необходимость. Но Бетти Рэй – другой случай. Она гость в их доме. Незаметно это сделать не удастся, а иначе она подумает, что ее воспринимают здесь как объект для благотворительности, и обидится.

Эта дилемма мучила Дороти всякий раз, как она видела девочку все в том же изношенном платье.

Религиозные бдения

С тех пор как Отманы появились в передаче Соседки Дороти, Анна Ли, Норма и Петси Мэри просто умирали от желания побывать на религиозных бдениях. Девочки выросли в городе и до сих пор не проявляли интереса к подобным мероприятиям. Однако Дороти немедленно заподозрила неладное.

– Слушай, Анна Ли, я не хочу, чтобы вы ехали насмехаться над этими людьми. Ты слышишь?

– Мама! – Анна Ли была шокирована таким предположением. – С чего ты взяла, что мы станем насмехаться?

– Потому что слишком хорошо знаю вас, балбесок.

В конце концов Анне Ли удалось вырвать у матери разрешение, но Ида, мама Нормы, была категорически против.

– Я вас туда не пущу. Не пойми с кем в не пойми какой глуши заниматься пустой болтовней! К тому же мы пресвитериане, и нам чужды их примитивные ритуалы.

Однако Норма соврала, что пойдет ночевать к Петси Мэри, и все равно поехала.

Шел второй день бдений. Норма заставила своего друга, Мака, отвезти их туда. Выехали в шесть, но сначала Норма велела Маку заехать в кафе «Трамвай» – закупить в дорогу гамбургеров. Она показала схему проезда, где было написано: «Религиозные бдения и ужин на траве».

– Я не собираюсь ничего есть с травы. Если заболею, маман сразу поймет, где я была.

Свернув с шоссе 78 на пыльную грунтовую дорогу, они увидели коряво написанные плакаты: ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ГРЕХ – СМЕРТЬ, А ТЫ СПАСЕН? ГОТОВЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С ТВОРЦОМ и ГОСПОДЬ ПРИНИМАЕТ ВСЕ ВЫЗОВЫ ЛИЧНО, У НЕГО НЕТ СЕКРЕТАРЕЙ.

Петси Мэри заметила:

– В «секретарях» «Р» пропустили.

Минут через сорок пять подъехали к месту под названием Пастбище Браунов и очутились позади Церкви Христа на шоссе 78 перед большой круглой желто-коричневой палаткой с висящими вокруг на веревках красно-белыми треугольными баннерами. Обочины были плотно заставлены автомобилями, грузовиками и тракторами, пришлось оставить машину в полумиле. Народу толпилось уйма, все с тарелками и корзинками. Протиснувшись поближе к палатке, они увидели длинные столы со скамьями, застеленные газетами и заставленные домашней снедью. Норма удивилась: оказывается, «ужин на траве» вовсе не предполагает еду прямо с земли. При виде груды жареных цыплят, домашней лапши с сыром, свежей кукурузы и арбузов, они пожалели, что послушались Норму и захватили только гамбургеры. Норма оправдывалась:

– Откуда я знала-то, там же не сказано «ужин на столах»!
Внутри палатки все складные деревянные стулья оказа-

лись заняты, и они устроились на галерке, что Норму как раз более чем устраивало. Пол был усыпан опилками, пахло как в цирке, и публику охватило радостное возбуждение – тоже почти как в цирке. Детям разрешалось бегать по проходам и шуметь – совсем не то что в церкви, где все собранны и серьезны. Всех переполняло радостное ожидание. Чего именно ожидать, девочки из Элмвуд-Спрингса пока не знали. Со здешним народом они никогда не виделись: тут были и пятидесятники, и последователи Церкви Христа, и строгие «Примитивные баптисты», известные обрядом омовения ног, – кого только не понаехало.

Мужчины по случаю принарядились в чистые рабочие штаны и робы, а женщины – в платья домашнего покроя, такие же, как на Минни и Бетти Рэй. Вечер выдался душный, и дамы – большинство с волосами, собранными в пучок на затылке, – сидели и радостно общались, обмахиваясь бумажными веерами с картинкой Тайной вечери, розданными при входе. Круглая сцена в центре палатки была голой, не считая пианино, стереосистемы да искусственного папоротника в кадке. В ожидании начала Анна Ли, Петси Мэри и Норма пихали друг друга локтями и хихикали, а Мак показал пальцем на старушку, которая жевала табак и сплевывала в специально принесенную жестянку. И тут мимо них прошла большая, широкая в кости миловидная женщина с худосочным мужчиной в рабочем комбинезоне. Норма глянула на нее мельком и тут же бросилась на землю и спряталась под

стулом.

Мак спросил:

– Ты куда, Гуфи?⁹

– Это тетя Элнер! Увидит меня – непременно маман доложит.

И весь вечер Норма подпевала и качалась в такт с сидевшими впереди людьми, обмотанная шарфом по глаза и в темных очках: вдруг тетушка обернется и каким-то образом узрит ее среди семи сотен прихожан. Но больше ее беспокоило другое.

Ровно в семь вечера вышел пастор Церкви Христа на шоссе 78. После многословной молитвы он представил семью Отман – исполнителей госпела, и они под громоподобные аплодисменты заполнили сцену.

Петси Мэри ткнула в бок Анну Ли:

– Которая из них Бетти Рэй?

– Худышка.

Петси Мэри заметила, что худышка единственная из Отманов, у кого нет угольно-черной копны волос.

– Она как-то не похожа на остальных, правда?

Норма шепнула Маку:

– Я бы горевать по этому поводу не стала.

Вечер начался бодрящим «Дай мне эту Древнюю религию» с притопыванием и прихлопыванием, потом они спели

⁹ Герой мультфильмов У. Диснея, долговязый, нескладный и невероятно медлительный пес.

«Омыт ли ты кровью?», «Скажи Матери, что я там буду», «Мы встретимся у реки», «Я верю в человека в Небесах», и, когда все слушатели уже кричали и подскакивали на своих местах, приезжий пастор, лидер сегодняшнего собрания, его преподобие Бриггл Стоктон из Дел-Рио, штат Техас, пробежал по проходу между рядами и вскочил на сцену с Библией в руке, танцуя и выкрикивая:

– Я чувствую вдохновение!

Дальше события развивались совсем не по тому сценарию, какой представляла себе четверка из Элмвуд-Спрингса. Преподобный Бриггл обрел спасение души у знаменитого евангелиста Билли Сэнди и вознамерился отплатить миру услугой за услугу. Он попрыгал на одной ноге, затем на другой и предупредил тех прихожан, кто еще не был спасен, о геенне огненной. Потом принялся выкликать бессвязные лозунги о борьбе с дьяволом за души человеческие, вопя:

– Я буду биться с ним лопатой... Я буду биться с ним топором... Я буду биться утром... Я буду биться ночью!

Он так огорчился и переживал по поводу дьявола, что стал малиновым, начал плевать, и зрителям с первого ряда приходилось уворачиваться всякий раз, как выкрикивалась новая фраза. Мак до того развеселился, что вслух заржал, но тут же притворился, что это кашель. Анна Ли с Нормой от стараний сдержать смех едва не умерли от удушья. Но преподобный Бриггл не успокоился, покауда несколько женщин не вскочили и не принялись плясать и выкрикивать что-то

на непонятном языке. Грешники-гости потели и ерзали на своих стульях, и где-то через час гневных воззваний, перепугав толпу обещаниями, что гореть им в аду, он призвал спасенных подойти и признаться в своих грехах перед Господом Всемогушим, чтобы спастись от вечного проклятия. Около трехсот человек разом вскочили с мест – некоторые делали это на каждом собрании, некоторые впервые – и стали протискиваться к алтарю, крича «Слава Иисусу!» и «Аллилуйя!». Один мужчина в конце их ряда дергался, будто сунул пальцы в розетку.

Норма, Мак и Анна Ли так увлеклись этим зрелищем, что не заметили, как их подруга вдруг встала и вместе с толпой ринулась к алтарю. Оглянувшись и увидев ее, Норма закричала:

– О боже, Мак, Петси Мэри ушла, хватай ее!

Но поздно, она уже была на полпути. Час спустя, когда они вытащили обалдевшую Петси Мэри из палатки и сидели в машине, она пыталась объяснить:

– Даже не пойму, как это случилось. Сижу себе вроде, а потом – хлоп, и я уже иду по проходу. Как будто меня кто поднял за шкурку и переставлял ноги, а я не могла остановиться. После этого ничего не помню. Так что, наверное, моя душа спаслась.

Анна Ли спросила с благоговением:

– А каково это – спасенной быть, Петси Мэри? Чуешь какую-нибудь разницу?

Петси Мэри прислушалась к себе и честно ответила:

– Не знаю даже... Но голова болеть перестала.

Мак захохотал, однако Норма ничего смешного не увидела.

– Нечего ржать, Мак. – Потом предупредила Петси Мэри: – Учти, если ты свихнешься и начнешь бормотать на непонятном языке, клянусь, я с тобой больше не разговариваю.

Встревоженная Анна Ли пристально взгляделась в лицо подруги:

– Ты не чувствуешь желания бормотать на неизвестном языке, Петси Мэри?

Петси Мэри прислушалась к себе.

– Вроде бы нет... пока.

Норма закатила глаза:

– Ну, отлично. Теперь придется следить за ней, как ястреб, день и ночь. Все ты виноват, Мак.

– Я? А чего я сделал-то?

– Если бы схватил ее, когда тебе сказали, она бы не дошла до спасения.

– Норма, я не мог. Она уже была у сцены. Сама-то чего ж за ней не пошла? Ближе ведь была, чем я.

– Ага, чтоб тетя Элнер сообщила маме, что видела меня? Хочешь, чтобы меня заперли дома до конца моей земной жизни? Ты же знаешь маман – она слетит с катушек, если узнает, что тетя Элнер ходила на религиозные бдения, не

говоря уж о ее собственной дочери.

Вечеринка

На следующий день по пути на вечеринку, устроенную Анной Ли для Бетти Рэй, Норма заставила Петси Мэри пообещать, что если она почувствует себя хоть немного странно или у нее вдруг возникнет неодолимое желание бормотать на непонятном языке, она тут же уйдет.

– Если мы хотим на будущий год выступать в команде болельщиц, мы не можем себе позволить снова впасть в религиозный экстаз. – Потом попыталась прощупать почву с другой стороны: – Как сегодня твоя головная боль?

Бедная Петси Мэри, с которой Норма последние двадцать четыре часа не спускала глаз, сказала:

– Кажется, вернулась.

Для Нормы это было хорошей новостью. Значит, Петси Мэри избежала спасения души.

Вечеринка планировалась в маленьком клубном зале бассейна «Каскад». Анна Ли заранее предупредила друзей, что религия не позволяет Бетти Рэй танцы, так что придется обойтись без этого. Все ворчали, но все равно пришли. Вечеринка намечалась с трех до пяти, но Отманы увезли Бетти Рэй на бдения в четыре. И тогда уж понеслось. Перед Бетти Рэй все вели себя сдержанно и культурно, но едва она удалась, как в ход пошел музыкальный автомат и начались

пляски.

Когда Анна Ли вернулась, ее мать в кухне разговаривала с организатором местного Красного Креста, обсуждая грядущие ежегодные учения. Анна Ли поставила в мойку тарелки, которые брала на вечеринку. Дороти, которая весь вечер нервничала, спросила:

– Как все прошло?

Анна Ли скривилась и кивком позвала ее на заднее крыльцо. Дороти извинилась и закрыла дверь. Анна Ли шепнула:

– Мама, это было ужасно. Все так старались, а она только стояла в углу и тряслась.

– Ох.

– Вывалила на себя тарелку с едой. Мне было ее так жалко. Мальчики пытались ее разговорить, но она просто не знала, как себя вести. Может, с ней что-то не так? Может, она отсталая или еще чего?

– Нет. Нет, что ты. Скорее всего, просто не привыкла к вечеринкам.

Но в душе Дороти не была так уверена.

На следующий день, когда Бетти Рэй забрали, Анна Ли сказала:

– По-моему, она меня просто ненавидит.

– Нет, дорогая, ничего подобного, – сказала Дороти.

– Ну, по крайней мере, я ей не сильно нравлюсь. Я пригласила ее к себе в комнату, думала – пообщаемся, познакомимся поближе, а она только сидела молча и вообще вела

себя так, будто ее тут силком держат. – Анна Ли была в замешательстве. – Не понимаю, мама, остальные-то ко мне вроде нормально относятся. Выбрали меня самой популярной ученицей... А при виде Бобби она поворачивается и идет в другую сторону.

Мама Смит засмеялась:

– Это я как раз могу понять.

– И бедный Джимми, – продолжала Анна Ли. – На днях заходит в кухню, здоровается, а она как драпанет! Спряталась в кладовке и просидела там, пока он не ушел.

– Все равно что с мышью в доме жить, – задумчиво проговорила Мама Смит. – Поздно вечером слышу: метнулась в ванную, что-то там простирнула – и шмыг назад, к себе в комнату. Ходит на цыпочках, будто извиняется за то, что живет на свете, боится лишний звук издать, жметесь к стенам. Небось она с удовольствием испарилась бы, если б могла.

– Да, – вздохнула Дороти, – прямо сердце кровью обливается. Но что тут поделать, нужно просто быть к ней добрее, постараться не пугать.

В оставшиеся дни Мама Смит и Анна Ли пытались разговаривать гостью, но тщетно. И в конце пребывания у Смитов Бетти Рэй чувствовала себя чуть поспокойней только в присутствии Дороти и Принцессы Мэри Маргарет. Она не выходила из комнаты, когда шла передача, но в дневное время, если никого другого поблизости не было, порой проскальзывала в кухню и сидела в углу, поглаживая собаку и глядя, как

Дороти готовит. Дороти с удовольствием бы с ней заговорила, но не хотела принуждать к общению. Однако в последний день все же не удержалась. Она вошла в комнату для шитья и села на кушетку.

– Дорогая, иди сюда, присядь, поговорим минутку, хорошо?

Бетти Рэй села. Дороти взяла ее за руку и заглянула в глаза:

– Я знаю, что это не мое дело, но я за тебя беспокоюсь. Знаешь, ты не должна так стесняться людей. Ты всем нам очень нравишься, но если ты не будешь с нами разговаривать, мы не поймем, как ты к нам относишься.

Бетти Рэй покраснела, опустила голову. Дороти продолжала:

– Я понимаю, это, наверное, просто от робости. Веришь, нет, но я в твоём возрасте была такая же. Деточка, для твоего же блага тебе нужно понять: ты совершенно замечательный человек и люди хотели бы с тобой дружить, если ты им позволишь. – Она похлопала ее по руке: – Я знаю, у тебя получится. Обещаешь, что хотя бы постараться?

Бетти Рэй кивнула, в глазах у нее стояли слезы.

Прощай

Когда Отманы приехали за Бетти Рэй, все Смиты вышли проводить ее к машине. Минни высунулась из окошка и сказала Дороти:

– Надеюсь, она вас не беспокоила, миссис Смит.

– Нет, что вы, наоборот – нам было приятно.

– Я ж говорила – много она не ест.

– Миссис Отман, – сказала Дороти, – а что, если я попрошу вас на минутку зайти? Я кое-что вам приготовила.

– Конечно. – Минни повернулась к мужу: – Выключи двигатель, Феррис, побереги бензин.

В кухне она увидела, что Дороти приготовила им в дорогу огромную корзину бутербродов и печенья.

– Ой, ну как же это мило, ну вы подумайте. Нам ваше печенье так понравилось, слов нет, чуть руки себе не отгрызли.

Дороти прикрыла дверь.

– Миссис Отман, вообще-то я искала повод поговорить с вами наедине. Можете на минутку присесть?

– Конечно, уважаемая. – Минни села за стол. – И кстати, спасибо за рекламу на радио. Народу набежало – не продохнуть, никогда столько не было. Пришлось притащить еще сотню стульев и скамеек, чтобы всех рассадить.

– Не стоит благодарности.

– И еще раз спасибо за девочку.

– Об этом я и хотела поговорить, миссис Отман. Это, разумеется, не мое дело, но вы знаете, что у Бетти Рэй руки дрожат?

Минни кивнула:

– Да-да. Уж и не припомню, когда началось, лет с пяти-шести вроде бы. – Она взглянула на окно и воскликнула: – Ой, вы только посмотрите, до чего симпатичные занавесочки, и все эти цветы в стеклянных вазочках... Клянусь, никогда такого не видела.

– А вы знаете, отчего она дрожит, миссис Отман?

– Называйте меня Минни, дорогуша. Нет, понятия не имею. Оттого что слишком худенькая, наверное. У ней косточки тоненькие, как у птички. – Она засмеялась и прикрыла рот рукой. – Явно не в меня. Смотрите, у меня даже запястья толстые. Мама говорит – если толстеют запястья, знай, что ты слишком растолстела.

– Миссис Отман... Минни... Вам, конечно, виднее, но, учитывая, что она такая застенчивая, может быть, ей не на пользу все эти переезды с места на место?

– Знаете, пожалуй, вы и правы, миссис Смит. – Минни нагнулась и заговорила шепотом, словно делая признание Дороти: – Мне больно об этом говорить, но, кажись, песнопения ей не по нутру. Не в ее характере. Ее приходится силой на сцену выволакивать, да и рот она едва раскрывает, и я не могу этого понять. У нее и мать, и отец исполнители госпела, и мальчишек хлебом не корми, дай выскочить на сцену, но

Бетти Рэй... – Она печально покачала головой: – Она всегда отличалась, и нам всем это горько, особенно ей.

– Да, могу себе представить.

Минни вздохнула:

– Миссис Смит, я знаю, что она не любит ездить и петь не любит, но что поделаться-то? – Тут Феррис посигналил, и Минни встала: – Пойду-ка. Мы должны к семи быть на все-нощной в Гумбольдте, штат Теннесси, спасибо-расспасибо, что вы ее приютили и надавали нам столько угощенья.

Когда они шли к машине, Дороти сказала:

– Пусть возвращается в любое время, мы будем рады, миссис Отман. – Она заглянула в машину, чтобы попрощаться, но Бетти Рэй не было видно на заднем сиденье среди людей и вещей. Анна Ли, Бобби и Мама Смит стояли и махали руками, пока машина не отъехала.

Мама Смит сказала:

– Надо же, как эти деревенские любят путешествовать всем скопом, правда?

Машина завернула за угол, и Дороти ощутила грусть и еле сдержала слезы. Что-то в Бетти Рэй трогало ее за душу. Она дала девочке адрес и просила писать, но сомневалась, что когда-нибудь получит от нее весточку. Когда они скрылись из виду, Дороти обняла Анну Ли:

– Ты была мила с ней, и я тебе за это очень признательна.

Бобби встрял:

– И я был с ней мил. Подарил чуть не самый любимый

камушек.

– Правда? – Дороти обняла его другой рукой, чего он и добивался. Вместе они пошли к дому.

Бобби добавил:

– Камушек-то, может, сотню долларов стоит, а то и больше.

Анна Ли спросила мать:

– Как думаешь, ей у нас понравилось или наоборот?

– Не знаю, дорогая. Надеюсь, понравилось. Нельзя сказать наверняка.

Чего они не знали

Спустя четыре часа и сто семьдесят восемь миль от Элмвуд-Спрингса Отманы пересекали реку Теннесси. Бетти Рэй сидела, притиснутая к старшим братьям, Бервину и Вернону, те пихали друг друга, и, как всегда, все в машине говорили одновременно. Минни ворчала на Ферриса за то, что он не остановился на последней заправке, а ей надо было в туалет. Чревовещатель Честер был вытащен из коробки и жаловался Феррису, что Флойд тоже хотел выйти на заправке купить себе бутылку холодного «Доктора Пеппера». Но Феррис, нацелившись доехать до места без остановок, игнорировал жалобы и пел свой любимый гимн «Тысяча языков». Бетти Рэй всю дорогу до Гумбольдта сидела с закрытыми глазами, сжимая в руке камушек, что подарил ей Бобби, и старалась отрешиться от шума.

Семья Смит не догадывалась, а девочка не смогла им сказать, что никогда в жизни не жила в таком замечательном доме, как их. По сравнению с брошенным на пол матрасом или кроватью с торчащими пружинами, которые она делила еще с четырьмя-пятью детьми, комнатка для шитья казалась Замком на холме, о котором так часто пела мать. Она не захотела жить в комнате Анны Ли не потому, что ей там не понравилось. Это была самая красивая спальня в мире... слишком красивая для нее. Главная беда – в размерах. Она

побоялась бы спать в такой большой комнате. Она привыкла ночевать в маленьких домишках по соседству с деревенскими церквями, где они обычно пели. Если Смиты думали, что она все время убегает, потому что не любит их, то они ошибались. Просто впервые в жизни у нее была возможность пойти в свою комнату и закрыть дверь, побыть совершенно одной. Впервые вокруг не толпились родственники и чужие люди. Им было интересно, что она там делает одна? Они бы удивились, узнав, что она абсолютно ничего не делает – сидит часами в тишине, и все. А мысль, что ей не нравится Анна Ли, была совсем далека от правды, дальше не бывает. Она испытывала благоговейный трепет перед Анной Ли и ее подругами. А рот почти не открывала только оттого, что не могла придумать, что сказать. Ей все понравились, особенно Дороти, которая была к ней так добра. В это последнее утро она едва удерживалась, чтобы не начать умолять их: позвольте мне остаться! Она пробыла в Элмвуд-Спрингсе всего неделю, но это была лучшая неделя в ее жизни.

Дальше Отманы поедут в Фейетвилл, Северная Калифорния, и с каждым днем Элмвуд-Спрингс будет все дальше и дальше.

Созерцание звезд

В пятницу, после отъезда Бетти Рэй, Бобби и его отряд бойскаутов-волчат должен был отправиться в поход на Индийские курганы за городом – искать наконечники стрел. Поход отменили из-за дождя. Но Бобби не огорчился. Он любил в теплый дождливый день сидеть на веранде и смотреть, как машины шуршат колесами по мокрой улице – туда-сюда. Все было зеленым, блестящим и влажным. Весь день до четырех он грезил наяву, а потом как ни в чем не бывало вернулось солнце. Но дождь напитал воздух свежестью, смыл всю пыль знойного августа. Сегодня Монро ночевал у них, и после ужина все, как обычно, потянулись на веранду. Мама Смит перегнулась через перила и взглянула на небо.

– Пойду звездами полюбуюсь. Кто-нибудь хочет со мной?

Бобби и Монро выразили желание, и они втроем вышли в сад с черного хода. Мама Смит уселась в деревянное кресло, а мальчишки повалились на траву рядышком.

– Такое чистое небо, – сказала Мама Смит. – Вы когда-нибудь видели столько роскошных звезд? Вон Большая Медведица и Венера. Наверняка увидим падающую звезду, до утра времени много.

Бобби нравилось вместе с Мамой Смит смотреть на звезды и задавать вопросы.

– Бабушка, а какой был мир, когда ты была маленькая?

Сильно другой?

– Ну, время было другое.

– И люди другие?

– Нет, люди-то как раз не сильно меняются, но у нас тогда многого не было, что у вас есть. Не забывай, я жила в девятнадцатом веке.

– Во время Гражданской войны? – вытаращил глаза Морро.

– Ну нет, все-таки попозже. Но, помню, отец о ней рассказывал, и в детстве у нас над камином висела сабля.

– Сабля? – переспросил Бобби. – Настоящая?

– Еще бы. Он воевал на стороне конфедератов.

– И рубил саблей людей?

– Ой, ну это вряд ли. Она больше для показухи на боку у него болталась.

– А она до сих пор у тебя?

– Нет, слишком много времени прошло. Думаю, брат ее забрал, а может, потерялась.

Бобби сказал:

– Но он все-таки был настоящим солдатом, да?

– Самым что ни на есть настоящим. И твой прадедушка Смит со стороны отца твоего отца тоже, только сражался он за федералов. Оба родом из одного города. Но тогда это не было редкостью.

Бобби был ошарашен. Он представить себе не мог, как давно живет его бабушка.

– А звезды в те времена были?

Она засмеялась:

– Да, дорогой, в твоём возрасте я видела те же звезды и луну, что и сейчас. Природа не меняется, только люди. Каждый год рождаются новые человеки, а звезды и луна остаются прежними. Просто у нас тогда ни машин не было, ни кино, ни радио, ни даже электричества.

– А как же вы жили?

– Очень тихо.

Монро скривился:

– Это был небось кошмар.

– Ага, – согласился Бобби. – Скука небось смертная.

– Да не особо. Было другое. Книги были, игры, мы пели песни, ходили в гости. Если чего не знаешь, то и скучать по тому не станешь, вот ведь как.

– А кем ты хотела стать, когда вырастешь, ба?

Мама Смит улыбнулась:

– Веришь, нет, но одно время я думала, что стану знаменитым ученым, как мадам Кюри, и, может, найду лекарство от какой-нибудь страшной болезни.

– Чего ж не стала?

– Мой папа мог отправить в колледж только одного ребенка, учиться отправили брата, и мои мечты о том, чтобы стать новой мадам Кюри, пошли прахом.

Бобби попросил:

– Расскажи про тот отель, куда ты поехала на медовый ме-

сяц.

– Бобби, ты эту историю уже сто раз слышал.

– Ну и что, а Монро нет. Расскажи.

– Я не слышал, – сказал Монро.

– Ну... Когда мы с твоим дедушкой поженились, мы сели на поезд и поехали на медовый месяц в Северную Калифорнию. Главное, он не сказал, куда мы едем. Хотел сделать сюрприз, намекнул только, что это будет знаменитый отель с видом на самое красивое в мире озеро. Никогда не забуду первый вечер в этом отеле. После ужина мы вышли на широкую веранду с видом на озеро, увешанную разноцветными китайскими фонариками. Часов в восемь, как стемнело, все гости отеля вышли на улицу и сказали: «Смотрите на озеро».

– И что дальше произошло? – нетерпеливо спросил Бобби.

– Внезапно посреди озера загорелся огромный светящийся знак с надписью **ОТЕЛЬ СВЕТИЛЬНИК** из тысячи золотистых лампочек.

– Ух ты! – сказал Монро.

– Потом мы все спустились на берег, сели в каноэ и поплыли к знаку. Не знаю, что было красивее – смотреть назад, на отель с маленькими зелеными, желтыми и красными китайскими фонариками, горящими в темноте, или плыть прямо по словам **ОТЕЛЬ СВЕТИЛЬНИК**, отраженным в воде. Это был волшебный вечер, вот что я вам скажу.

– Теперь расскажи ему про Кони-Айленд.

– Хорошо. Значит, оттуда мы направились в Нью-Йорк, но было очень жарко, и каждый день мы катались на трамвае к океану в Кони-Айленд¹⁰, гуляли там и смотрели на всю эту красоту.

Бобби пихнул Монро локтем:

– Погоди, сейчас будет самое интересное.

– И догуляли мы до парка развлечений «Дримленд», такого огромного, что внутри него есть целый небольшой городок под названием Город лилипутов. Туда можно войти, а живут там только лилипуты – сотни лилипутов.

– Ух ты! – выдохнул Монро.

– У них свои домишки и магазины, и собственный лилипут мэр, и крошечный лилипут полицейский. Пока мы там гуляли, мы встретили чудесную семейную пару лилипутов, так вот, дети у них получились нормального размера, жили в Нью-Джерси.

– Ну ничего себе! – выдохнул Монро. – Все бы отдал за то, чтобы увидеть город, полный лилипутов.

– Да, я этого никогда не забуду.

– А что ты еще такого же интересного помнишь из древних времен, бабушка?

– Дай подумать... Помню смену века – первое января 1900-го. Был грандиозный праздник.

– И как праздновали?

¹⁰ В нью-йоркском районе Кони-Айленд расположен знаменитый парк аттракционов.

– Вечеринки устраивали, а в последнюю полночь 1899-го все жители Индепенденса вышли на улицы – звонили в колокольчики, дули в свистки, запускали фейерверки и всю ночь до утра приветствовали новый век. Мы думали, двадцатый век будет лучше всех прочих, но не прошло и четырнадцати лет, как началась Первая мировая, так что наши мечты не сбылись.

Скоро Мама Смит сказала:

– Ладно, мальчики, поздно уже. Оставляю вам звезды, а сама пойду.

– Спокойной ночи, бабушка.

– Спокойной ночи, миссис Смит.

Когда она ушла, Монро вздохнул:

– Она самый старый человек из всех, кого я знаю.

– Да... Представь, ей целый век. – Они еще полежали, глядя на звезды. Бобби спросил: – Интересно, а что будет, когда наступит 2000-й?

– Не знаю. Все небось уже обзаведутся собственными космическими кораблями и начнут летать на Марс и обратно.

– А нам по сколько будет в 2000-м?

Монро сел и сосчитал на пальцах. И посмотрел на Бобби, ошарашенный.

– Нам будет шестьдесят четыре!

– Нееет! – Бобби тоже сел. Он не мог поверить.

– Может, нас уже и в живых не будет, не доживем до таких лет.

Перспектива быть такими же старыми, как стариканы, что целыми днями сидят перед парикмахерской, подействовала угнетающе. Чуть погодя Бобби сказал:

– Монро, давай заключим соглашение. Если мы оба доживем до 2000 года, где бы мы ни оказались, мы позвоним друг другу и скажем: «Ура, мы сделали это!» Заметано?

– О'кей, заметано.

Они пожали друг другу руки и снова повалились в траву. Попытались представить себе, какими станут, как будут выглядеть, но не могли. Расстояние от 9 августа 1946-го до 2000-го казалось примерно таким же, как от Элмвуд-Спрингса до желтой луны в небе.

Они смотрели на небо в ожидании падающей звезды, пока Дороти не позвала их в дом.

Время летит

Кроме того, что в город приезжал Мистер Арахис¹¹, а элмвудский кинотеатр показал сразу четыре фильма с поющим ковбоем Джином Отри в один день, да плюс то, что на дне рождения Монро во время проведения конкурса «прицепи ослу хвост» Бобби застрял рукой в осле, ничего интересного больше не произошло, и вот снова сентябрь.

И хотя Бобби ненавидел, когда лето кончалось и наступала пора покупать новую одежду для школы и таскаться за матерью по магазинам, все же было что-то радостное в приближении нового учебного года. Он любил запах новых учебников, любил ходить в лавочку «Все по 5 и 10 центов» покупать всякие школьные принадлежности. Новенькая коробочка карандашей, тетрадки, и большие толстые резиновые ластик, и новый ранец. Мальчики шли в парикмахерскую, чтобы начать учебный год с приличной стрижкой, девочки являлись с туго накрученными волосами, в новых платьях и обуви: из старой выросли.

Да и школа прихорошилась. Натерли до блеска деревянные полы, отмыли столовую. Даже учителя, отдохнувшие за время летних каникул, излучали оптимизм и рвались вдохновлять нежные юные души, что поручены им на следующие

¹¹ Мистер Арахис – эмблема компании «Плантерс нат» – арахис в цилиндре, белых перчатках, с тросточкой и моноклем.

девять месяцев. Свежие куски мела, глянцевые карты на стенах, круглые плафоны под потолками, сияющими белизной. Все здание аж вибрировало от нетерпения и предвкушения. Все или почти все были рады встрече и полны ожиданий.

Эйфория длилась дня три, а к концу сентября воцарялась всегдашняя тоскливая тягомотина. Бобби так и остался самым мелким в классе, а Лютер Григгс по-прежнему грозил ему взбучкой.

Наступило и миновало Рождество, и Бобби получил красно-белый велосипед марки «Швимм», серебристую ковбойскую кобуру «Дик Трейси» с разноцветными искусственными камнями и пистолет с пистонами. Плюс кучу носков и никому не нужного нижнего белья. А надеялся на настоящий тропический шлем «Джангл Джим».

Кроме носков и трусов на Рождество была еще одна печаль: в среду 3 января, в Посудный вечер, кино, которое должны были доставить с автобусом на Грейхаунд, не прибыло. Вследствие этого Снуки вынужден был крутить резервный фильм, имеющийся в будке для такого рода случаев. Но очень многие после раздачи посуды ушли. Оно и понятно: сколько раз можно смотреть «Возвращение Лесси»?

Январь и февраль прошли более-менее сносно, зато март гремел и грохотал. В первый понедельник месяца день обещал быть ясным, но к восьми утра все изменилось стремительно и радикально. Дороти едва успела обежать дом, закрывая окна, и тут грянула буря. К тому моменту, как пере-

дача вышла в эфир, несколько домов уже остались частично без крыш, перед бакалеей «Эй энд Пи» сорвало навес, и позвонила Бедняжка Тот Хутен с сообщением, что кусок крыши Мерла и Вербены вломился в окно ее гостиной и разбил все, что оставалось от хорошего сервиза.

Мама Смит открыла передачу аккордами из «Погодки штормовой», а Дороти вбежала в последнюю секунду, села и сказала:

– Все верно, Мама Смит, погода действительно штормовая, насколько в здешних местах уместно слово «шторм», и, глядя в окно, могу вам сообщить, что там полный кавардак. Надеюсь, что у вас, где бы вы ни находились, все в порядке. Был такой ветер, что я думала, эфир сорвется, но ничего, мы вроде вещаем. – Она запнулась, потом продолжала: – По крайней мере, надеюсь. Бобби, лети к соседям, проверь, мы в эфире? А пока он бежит, я все равно буду говорить. Ох, что за день! Сияло солнце, и вдруг ни с того ни с сего ливанул дождь. Я даже не успела поснимать белье с веревки.

Позвонил Док, поделился: так потемнело, что пришлось включать свет в аптеке. Бобби заскочил в дом, хлопнув дверью, и крикнул:

– Ты в эфире!

Дороти сказала:

– Ну хорошо. Бобби говорит, мы в эфире. Так что делать нечего, просто ждем, что все закончится. Мы наблюдали за грозой из эркера в гостиной, и, надо сказать, нам понрави-

лось, хотя стало немного грустно, когда мимо пролетела пижама Дока. Почему-то грозы вечно подгадывают под день стирки, не заметили? Миссис Уотли занесла нам пару рубашек Дока, но все остальное упорхнуло. Звонят со всего города, сообщают, что к ним прилетели чужие вещи. Мистер Хендерсон говорит, что пара женских панталон обвилась вокруг его флюгера, но не представляю, кому достанет смелости признать их своими. Что? Бобби сообщает, у нас на радиомачте целая куча разной одежды, так что если вы обнаружите пропажу, приходите – вдруг она здесь. Ой, я сегодня в таких растрепанных чувствах, что не могу найти свои пометки для передачи.

Дороти подняла горшок с цветком, заглянула под него и поставила на место.

– Радуйтесь, что вы меня не видите, – я до сих пор красуюсь в халате. Тут и гроза, и звонки без перерыва – время просто испаряется. И надо же – именно сегодня. Как раз когда мы представляем нашего нового спонсора, «Похоронные услуги и Цветочное оформление» Сесила Фиггза, а я сижу ненакрашенная, в сетке для волос и не переодетая. Приношу свои извинения, мистер Фиггз, обещаю, завтра я справлюсь лучше.

Дороти посмотрела на Бобби, который сидел рядом с Беатрис и радостно жевал радиопеченье.

– Простите, девочки, я на минутку. – Она прикрыла рукой микрофон. – Ты почему это не в школе, молодой человек?

– А мне Беатрис надо проводить – дождь ведь, – ответил он.

– Это очень мило с твоей стороны, но, думаю, мы как-нибудь справимся. Простите, мои дорогие. У меня тут обнаружился мальчик, который должен быть в школе, так что если кто из учителей слушает меня в учительской, обещаю – он через минуту будет. А если нет, позвоните мне.

В следующий миг по эфиру разнесся стук хлопнувшей двери.

– Черт, – сказал Бобби, несясь в школу.

Дороти по-прежнему перебирала на столе бумажки в поисках сценария передачи. Наконец объявила:

– В этот дождливый день Беатрис споет нам «Пусть вашим зонтиком станет улыбка» и «Я рисую облака солнечным лучом», а я пока, может, найду пропажу.

Оставшаяся часть весны прошла без сильных огорчений, драм и особых событий, пока в субботу первого июня не случилось кое-что важное.

Жизнь меняется

Бобби с раннего утра трудился в аптеке – разгружал коробки, затаскивая их с черного хода. Вообще-то он получал на карманные расходы 50 центов в неделю, но хотел подработать на секцию бодибилдинга «Атлант Чарльз». Они с Монро заключили пари, что до первого сентября станут силачами. Учитывая его вес – шестьдесят восемь фунтов¹² в мокром виде – и руки-палки, задача предстояла нешуточная. Бобби в рекордное время покончил с коробками красно-белых соломинок для коктейлей, выгрузил бумажные салфетки, шампуни, лекарства от кашля, детские присыпки, аспирин, бинты и пробоотборники Уитмана. Он спешил. Сегодня в бассейне открывался сезон.

Док выдал ему 50 центов и крикнул вслед:

– Осторожней, сынок, не ударься головой о трамплин!

Ответное «Да, сэр» донеслось уже издалека – Бобби во весь опор несся по улице.

Соседка Дороти рассказывала по радио:

– Журнал о домоводстве «Хозяюшка» гарантирует, что черносливовый сок «Сансуит», в отличие от прочих черносливовых соков на рынке, обладает одинаковыми слабительными свойствами в каждом стакане.

И тут ворвался Бобби, шваркнул дверью – бац! – и пулей

¹² 30,8 кг.

пролетел в свою комнату.

Соседка Дороти проинформировала радиослушателей:

– Как вы могли догадаться, это прибыл Бобби. – И перешла к объявлению, что миссис Элейн Стаггерс из Ардена, штат Оклахома, интересуется, как лучше готовить старый добрый пирог с клубникой и ревенем. – Так что если у вас есть хороший рецепт, присылайте.

В этот момент Бобби протоптал через прихожую с плавающими в руке, но по пути к входной двери был остановлен матерью:

– Минутку, молодой человек! Раз уж вы наделали столько шума, почему бы вам не зайти и не рассказать всем, что за спешка?

Бобби сунул голову в гостиную и крикнул:

– «Каскад» открывается!

Соседка Дороти сказала:

– Ооо, понятно... Ну что ж, сегодняшней день можно официально считать первым днем лета. Бобби сообщил, что бассейн открыт.

Мама Смит выдала несколько веселых аккордов «У моря, у моря, прекрасного моря», пока Бобби, подпрыгивая от нетерпения, ждал, чтобы его отпустили.

– Ладно, беги, только ради бога не ударься головой о доску на вышке!

Все в доме услышали вопль «О'кей!», и тут же хлопнула дверь черного хода.

Бобби знал короткий путь через задворки до любого места в городке и за какие-то две минуты добирался до бассейна. Он со свистом пролетал мимо домов, где женщины слушали, как Соседка Дороти повествует о том, как в прошлом году он выделялся перед девочкой и грохнулся головой о трамплин, как результат – потеря сознания и три шва. Многим людям это послужило бы хорошим уроком и навсегда отвратило от бассейна, но не Бобби.

Он любил воду. Мать не знала, но он уже несколько раз окунался в Синего Дьявола. Весело, конечно, но с «Каскадом» не сравнить. Ему все казалось там чудесным – и запах хлорки, исходящий от нагретого солнцем бетона, и погружение в чистую, прозрачную воду, пронизанную солнечными лучами... И эта тишина под водой, когда мир наверху, приглушенный и отдаленный, кажется таким далеким. А еще в бассейн, конечно, ходили девочки. Ему хотелось произвести впечатление на девочку из класса – не ту, что нравилась ему в прошлом году, а новенькую. Она танцевала степ, и когда Бобби, которого Дороти чуть не волоком затащила на концерт учеников школы танцев Дикси Кэхилл, увидел ее сольный танец под песню «Станцуй со мной по полю из тюльпанов», он подумал, что она, пожалуй, такая же классная, как его новые желтые ботинки.

Бобби ворвался в большое бетонное здание с надписью КАСКАД по фасаду, выудил из джинсов монету в 10 центов, получил ключ от шкафчика, рванул по коридорам и

успел практически полностью раздеться, даже не добежав до мужской раздевалки. Так торопился, что чуть не грохнулся, впрыгивая в свои ярко-оранжевые плавки. Быстро запер шкаф и выскочил из сумеречного здания под сверкающее белое солнце. Вот он. Наконец-то! Оазис кристально-чистой воды, о которой он мечтал всю зиму. Огромное озеро, сверкающее тысячами алмазов, окруженное горячим бетоном. Ох, это было слишком. У него захватило дух. Больше ждать невозможно! Он разбежался и нырнул. Проплыл под водой, вынырнул рядом с Монро – и понеслось. Они брызгали друг в друга, пока девочки, не желавшие мочить волосы, не раскричались на них. Э-эх, повеселимся!

К половине пятого от Бобби не было ни слуху ни духу, и Дороти заглянула к Анне Ли, которая вместе с Петси Мэри корпела над альбомом вырезок с кинозвездами.

– Анна Ли, я беспокоюсь. Бобби уже шесть часов торчит в бассейне. Сходите, пожалуйста, за ним, намекните, что для одного дня достаточно.

Анна Ли застонала так, будто мать велела ей возвести египетскую пирамиду вручную.

– Ой, мам, это обязательно?

– Да, я боюсь, вдруг он опять поранил голову.

– Если он хочет остаться дурачком, сигая с этой вышки, я не смогу его остановить.

– Прошу тебя, дочка, ради меня.

Испустив очередной страдальческий вздох, Анна Ли вста-

ла:

– Пошли, Петси Мэри. Но я не понимаю, мама, почему ты вообще разрешаешь ему туда ходить. Он там целыми днями щиплет людей за ноги и ведет себя как придурок.

Это была чистая правда. В тот момент Бобби и Монро шныряли под водой и всем надоедали. Любимым их развлечением было нырнуть и проплыть между ногами ничего не подозревающего посетителя. Бобби веселился по полной. Бассейн был плотно забит потенциальными жертвами. Он проплыл между ногами одного купальщика и тут увидел другие ноги и заодно уж проплыл между ними. «Мастер!» – думал он про себя, пока не осознал, опоздав лишь на долю секунды, что эти вторые ноги принадлежат Лютеру Григгсу. Большая ошибка!

Бобби выжал максимальную скорость, чтобы уплыть как можно скорее и дальше, однако получилось недостаточно быстро и далеко. Едва он вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, Лютер напрыгнул сзади и изо всех сил пнул его между лопатками.

Бобби даже не понял, что произошло. Сильный удар лишил его воздуха, и его отнесло к тому краю бассейна, где глубоко. Лютер с хохотом уплыл, а Бобби так и остался бездыханным. Он целый день дурачился, и никто не обратил на него внимания, даже спасатели, они и так не успевали следить за возбужденными детьми.

Прошло несколько минут, пока Мак Уоррен, болтавший с

Нормой возле бассейна, не увидел, что мальчик неподвижно лежит на поверхности лицом вниз. Мак кинулся к нему, за волосы вытащил из воды. Бобби не подавал признаков жизни и уже начал синеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.